

Александр Николаевич Островский

Бесприданница (Драма в четырех действиях)

Оглавление

Действие первое

Лица

Явление первое

Явление второе

Явление третье

Явление четвертое

Явление пятое

Явление шестое

Явление седьмое

Действие второе

Лица

Явление первое

Явление второе

Явление третье

Явление четвертое

Явление пятое

Явление шестое

Явление седьмое

Явление восьмое

Явление девятое

Явление десятое

Явление одиннадцатое

Действие третье

Лица

Явление первое

Явление второе

Явление третье

Явление четвертое

Явление пятое

Явление шестое

Явление седьмое

Явление восьмое

Явление девятое

Явление десятое

Явление одиннадцатое

Явление двенадцатое

Явление тринадцатое

Явление четырнадцатое

Действие четвертое

Лица

Явление первое

Явление второе

Явление третье

Явление четвертое
Явление пятое
Явление шестое
Явление седьмое
Явление восьмое
Явление девятое
Явление десятое
Явление одиннадцатое
Явление двенадцатое
Комментарии

Действие первое

Лица

Харита Игнатьевна Огудалова , вдова средних лет; одета изящно, но смело и не по летам.

Лариса Дмитриевна , ее дочь, девица; одета богато, но скромно.

Мокий Пармевыч Кнуров , из крупных дельцов последнего времени, пожилой человек, с громадным состоянием.

Василий Данилыч Вожеватов , очень молодой человек, один из представителей богатой торговой фирмы; по костюму европеец.

Юлий Капитоныч Карандышев , молодой человек, небогатый чиновник.

Сергей Сергеевич Паратов , блестящий барин, из судохозяев, лет за 30.

Робинзон .

Гаврило , клубный буфетчик и содержатель кофейной на бульваре.

Иван , слуга в кофейной.

Действие происходит в настоящее время, в большом городе Бряхимове на Волге. Городской бульвар на высоком берегу Волги, с площадкой перед кофейной; направо от актеров вход в кофейную, налево – деревья; в глубине низкая чугунная решетка, за ней вид на Волгу, на большое пространство: леса, села и проч.; на площадке столы и стулья: один стол на правой стороне, подле кофейной, другой – на левой.

Явление первое

Гаврило стоит в дверях кофейной, *Иван* приводит в порядок мебель на площадке.

Иван . Никого народу-то нет на бульваре.

Гаврило . По праздникам всегда так. По старине живем: от поздней обедни все к пирогу да ко щам, а потом, после хлеба-соли, семь часов отдых.

Иван . Уж и семь! Часика три-четыре. Хорошее это заведение.

Гаврило . А вот около вечерен проснутся, попьют чайку до третьей тоски...

Иван . До тоски! Об чем тосковать-то?

Гаврило . Посиди за самоваром поплотнее, поглотаи часа два кипятку, так узнаешь. После шестого пота она, первая-то тоска, подступает... Расстанутся с чаем и выползут на бульвар раздышаться да разгуляться. Теперь чистая публика гуляет: вон Мокий Парменыч Кнуров проминает себя.

Иван . Он каждое утро бульвар-то меряет взад и вперед, точно по обещанию. И для чего это он себя так утруждает?

Гаврило . Для моциону.

Иван . А моцион-то для чего?

Гаврило . Для аппетита. А аппетит нужен ему для обеда. Какие обеды-то у него! Разве без моциону такой обед съешь?

Иван . Отчего это он все молчит?

Гаврило . «Молчит»! Чудак ты. Как же ты хочешь, чтоб он разговаривал, коли у него миллионы! С кем ему разговаривать? Есть человека два-три в городе, с ними он разговаривает, а больше не с кем; ну, он и молчит. Он и живет здесь не подолгу от этого от самого; да и не жил бы, кабы не дела. А разговаривать он ездит в Москву, в Петербург да за границу, там ему просторнее.

Иван . А вот Василий Данилыч из-под горы идет. Вот тоже богатый человек, а разговорчив.

Гаврило . Василий Данилыч еще молод; малодушеством занимается; еще мало себя

понимает; а в лета войдет, такой же идол будет.

*Слева выходит **Кнуров** и, не обращая внимания на поклоны Гаврилы и Ивана, садится к столу, вынимает из кармана французскую газету и читает. Справа входит **Вожеватов**.*

Явление второе

***Кнуров** , **Вожеватов** , **Гаврило** , **Иван** .*

Вожеватов (*почтительно кланясь*) . Мокий Парменыч, честь имею кланяться!

Кнуров . А! Василий Данилыч! (*Подает руку.*) Откуда?

Вожеватов . С пристани. (*Садится.*)

Гаврило подходит ближе.

Кнуров . Встречали кого-нибудь?

Вожеватов . Встречал, да не встретил. Я вчера от Сергея Сергеича Паратова телеграмму получил. Я у него пароход покупаю.

Гаврило . Не «Ласточку» ли, Василий Данилыч?

Вожеватов . Да, «Ласточку». А что?

Гаврило . Резво бегают, сильный пароход.

Вожеватов . Да вот обманул Сергей Сергеич, не приехал.

Гаврило . Вы их с «Самолетом» ждали, а они, может, на своем приедут, на «Ласточке».

Иван . Василий Данилыч, да вон еще пароход бежит сверху.

Вожеватов . Мало ль их по Волге бегают.

Иван . Это Сергей Сергеич едут.

Вожеватов . Ты думаешь?

Иван . Да похоже, что они-с... Кожухи-то на «Ласточке» больно приметны.

Вожеватов . Разберешь ты кожухи за семь верст!

Иван . За десять разобрать можно-с... Да и ходко идет, сейчас видно, что с хозяином.

Вожеватов . А далеко?

Иван . Из-за острова вышел. Так и выстилает, так и выстилает.

Гаврило . Ты говоришь, выстилает?

Иван . Выстилает. Страсть! Шибче «Самолета» бежит, так и меряет.

Гаврило . Они идут-с.

Вожеватов (*Ивану*) . Так ты скажи, как приставать станут.

Иван . Слушаю-с... Чай, из пушки выпалят.

Гаврило . Беспременно.

Вожеватов . Из какой пушки?

Гаврило . У них тут свои баржи серед Волги на якоре.

Вожеватов . Знаю.

Гаврило . Так на барже пушка есть. Когда Сергея Сергеича встречают или провожают, так всегда палят. (*Взглянув в сторону за кофейную.*) Вон и коляска за ними едет-с, извозничка, Чиркова-с! Видно, дали знать Чиркову, что приедут. Сам хозяин, Чирков, на козлах. — Это за ними-с.

Вожеватов . Да почем ты знаешь, что за ними?

Гаврило . Четыре иноходца в ряд, помилуйте, за ними. Для кого же Чирков такую четверню сберет! Ведь это ужаси смотреть... как львы... все четыре на трензелях! А сбруя-то, сбруя-то! — За ними-с.

Иван . И цыган с Чирковым на козлах сидит, в парадном казакине, ремнем перетянут так, что, того и гляди, переломится.

Гаврило . Это за ними-с. Некому больше на такой четверке ездить. Они-с.

Кнуров . С шиком живет Паратов.

Вожеватов . Уж чего другого, а шику довольно.

Кнуров . Дешево пароход-то покупаете?

Вожеватов . Дешево, Мокий Парменыч.

Кнуров . Да, разумеется; а то, что за расчет покупать. Зачем он продает?

Вожеватов . Знать, выгоды не находит.

Кнуров . Конечно, где ж ему! Не барское это дело. Вот вы выгоду найдете, особенно коли дешево-то купите.

Вожеватов . Нам кстати: у нас на низу грузу много.

Кнуров . Не деньги ль понадобились? Он ведь мотоват.

Вожеватов . Его дело. Деньги у нас готовы.

Кнуров . Да, с деньгами можно дела делать, можно. *(С улыбкой.)* Хорошо тому, Василий Данилыч, у кого денег-то много.

Вожеватов . Дурное ли дело! Вы сами, Мокий Парменыч, это лучше всякого знаете.

Кнуров . Знаю, Василий Данилыч, знаю.

Вожеватов . Не выпьем ли холодненького, Мокий Парменыч?

Кнуров . Что вы, утром-то! Я еще не завтракал.

Вожеватов . Ничего-с. Мне один англичанин – он директор на фабрике – говорил, что от насморка хорошо шампанское натошак пить. А я вчера простудился немного.

Кнуров . Каким образом? Такое тепло стоит.

Вожеватов . Да все им же и простудился-то: холодно очень подали.

Кнуров . Нет, что хорошего; люди посмотрят, скажут: ни свет ни заря – шампанское пьют.

Вожеватов . А чтоб люди чего дурного не сказали, так мы станем чай пить.

Кнуров . Ну, чай – другое дело.

Вожеватов *(Гавриле)* . Гаврило, дай-ка нам чайку моего, понимаешь?.. *Моего!*

Гаврило . Слушаю-с. *(Уходит.)*

Кнуров . Вы разве особенный какой пьете?

Вожеватов . Да все то же шампанское, только в чайники он разольет и стаканы с блюдечками подаст.

Кнуров . Остроумно.

Вожеватов . Нужда-то всему научит, Мокий Парменыч.

Кнуров . Едете в Париж-то на выставку?

Вожеватов . Вот куплю пароход да отправлю его вниз за грузом и поеду.

Кнуров . И я на днях, уж меня ждут.

Гаврило приносит на подносе два чайника с шампанским и два стакана.

Вожеватов *(наливая)* . Слышали новость, Мокий Парменыч? Лариса Дмитриевна замуж выходит.

Кнуров . Как замуж? Что вы! За кого?

Вожеватов . За Карандышева.

Кнуров . Что за вздор такой! Вот фантазия! Ну что такое Карандышев! Не пара ведь он ей, Василий Данилыч.

Вожеватов . Какая уж пара! Да что ж делать-то, где взять женихов-то? Ведь она бесприданница.

Кнуров . Бесприданницы-то и находят женихов хороших.

Вожеватов . Не то время. Прежде женихов-то много было, так и на бесприданниц хватало; а теперь женихов-то в самый обрез: сколько приданых, столько и женихов, лишних нет – бесприданницам-то и недостает. Разве бы Харита Игнатьевна отдала за Карандышева, кабы лучше были?

Кнуров . Бойкая женщина.

Вожеватов . Она, должно быть, не русская.

Кнуров . Отчего?

Вожеватов . Уж очень проворна.

Кнуров . Как это она оплошала? Огудаловы все-таки фамилия порядочная; и вдруг за какого-то Карандышева... Да с ее-то ловкостью... всегда полон дом холостых!..

Вожеватов . Ездить-то к ней все ездят, потому что весело очень: барышня хорошенькая, играет на разных инструментах, поет, обращение свободное, оно и тянет. Ну, а жениться-то надо подумавши.

Кнуров . Ведь выдала же она двух.

Вожеватов . Выдать-то выдала, да надо их спросить, сладко ли им жить-то. Старшую увез какой-то горец, кавказский князек. Вот потеха-то была! Как увидал, затрясся, заплакал даже – так две недели и стоял подле нее, за кинжал держался да глазами сверкал, чтоб не подходил никто. Женился и уехал, да, говорят, не довез до Кавказа-то, зарезал на дороге от ревности. Другая тоже за какого-то иностранца вышла, а он после оказался совсем не иностранец, а шулер.

Кнуров . Огудалова разочла не глупо: состояние большое, давать приданое не из чего, так она живет открыто, всех принимает.

Вожеватов . Любит и сама пожить весело. А средства у нее так невелики, что даже и на такую жизнь недостает...

Кнуров . Где ж она берет?

Вожеватов . Женихи платятся. Как кому понравилась дочка, так и раскошеливайся. Потом на приданое возьмет с жениха, а приданого не спрашивай.

Кнуров . Ну, думаю, не одни женихи платятся, а и вам, например, частое посещение этого семейства недешево обходится.

Вожеватов . Не разорюсь, Мокий Парменыч. Что делать! За удовольствия платить надо, они даром достаются, а бывать у них в доме – большое удовольствие

Кнуров . Действительно удовольствие – это в правду говорите.

Вожеватов . А сами почти никогда не бываете.

Кнуров . Да неловко; много у них всякого сброду бывает; потом встречаются, кланяются, разговаривать лезут! Вот, например, Карандышев – ну что за знакомство для меня!

Вожеватов . Да, у них в доме на базар похоже.

Кнуров . Ну, что хорошего! Тот лезет к Ларисе Дмитриевне с комплиментами, другой с нежностями, так и жужжат, не дают с ней слово сказать. Приятно с ней одной почаще видеться, без помехи.

Вожеватов . Жениться надо.

Кнуров . Жениться! Не всякому можно, да не всякий и захочет; вот я, например, женатый.

Вожеватов . Так уж нечего делать. Хорош виноград, да зелен, Мокий Парменыч.

Кнуров . Вы думаете?

Вожеватов . Видимое дело. Не таких правил люди: мало ль случаев-то было, да вот не польстились, хоть за Карандышева, да замуж.

Кнуров . А хорошо бы с такой барышней в Париж прокатиться на выставку.

Вожеватов . Да, не скучно будет, прогулка приятная. Какие у вас планы-то, Мокий Парменыч!

Кнуров . Да и у вас этих планов-то не было ли тоже?

Вожеватов . Где мне! Я простоват на такие дела. Смелости у меня с женщинами нет: воспитание, знаете, такое, уж очень нравственное, патриархальное получил.

Кнуров . Ну да, толкуйте! У вас шансов больше моего: молодость – великое дело. Да и денег не пожалеете; дешево пароход покупаете, так из барышей-то можно. А ведь, чай, не дешевле «Ласточки» обошлось бы?

Вожеватов . Всякому товару цена есть, Мокий Парменыч. Я хоть молод, а не зарвусь,

лишнего не передам.

Кнуров . Не ручайтесь! Долго ли с вашими летами влюбиться; а уж тогда какие расчеты!

Вожеватов . Нет, как-то я, Мокий Парменыч, в себе этого совсем не замечаю.

Кнуров . Чего?

Вожеватов . А вот, что любовью-то называют.

Кнуров . Похвально, хорошим купцом будете. А все-таки вы с ней гораздо ближе, чем другие.

Вожеватов . Да в чем моя близость? Лишний стаканчик шампанского потихоньку от матери иногда налью, песенку выучу, романы вожу, которых девушкам читать не дают.

Кнуров . Развращаете, значит, понемножку.

Вожеватов . Да мне что! Я ведь насильно не навязываю. Что ж мне об ее нравственности заботиться: я ей не опекун.

Кнуров . Я все удивляюсь, неужели у Ларисы Дмитриевны, кроме Карандышева, совсем женихов не было?

Вожеватов . Были, да ведь она простовата.

Кнуров . Как простовата? То есть глупа?

Вожеватов . Не глупа, а хитрости нет, не в матушку. У той все хитрость да лесть, а эта вдруг, ни с того ни с сего, и скажет, что не надо.

Кнуров . То есть правду?

Вожеватов . Да, правду; а бесприданницам так нельзя. К кому расположена, нисколько этого не скрывает. Вот Сергей Сергеич Паратов в прошлом году, появился, наглядеться на него не могла; а он месяца два поездил, женихов всех отбил, да и след его простыл, исчез, неизвестно куда.

Кнуров . Что ж с ним сделалось?

Вожеватов . Кто его знает; ведь он мудреный какой-то. А уж как она его любила, чуть не умерла с горя. Какая чувствительная! *(Смеется.)* Бросилась за ним догонять, уж мать со второй станции воротила.

Кнуров . А после Паратова были женихи?

Вожеватов . Набегали двое: старик какой-то с подагрой да разбогатевший управляющий какого-то князя, вечно пьяный. Уж Ларисе не до них, а любезничать надо было, маменька приказывает.

Кнуров . Однако положение ее незавидное.

Вожеватов . Да, смешно даже. У ней иногда слезенки на глазах, видно, поплакать задумала, а маменька улыбаться велит. Потом вдруг проявился этот кассир... Вот бросал деньгами-то, так и засыпал Хариту Игнатьевну. Отбил всех, да недолго покуражился: у них в доме его и арестовали. Скандалище здоровый! *(Смеется.)* С месяц Огудаловым никуда глаз показать было нельзя. Тут уж Лариса наотрез матери объявила: «Довольно, – говорит, – с нас сраму-то; за первого пойду, кто посватается, богат ли, беден ли – разбирать не буду». А Карандышев и тут как тут с предложением.

Кнуров . Откуда взялся этот Карандышев?

Вожеватов . Он давно у них в доме вертится, года три. Гнать не гнали, а и почету большого не было. Когда переमेжка случалась, никого из богатых женихов в виду не было, так и его придерживали, слегка приглашивали, чтоб не совсем пусто было в доме. А как, бывало, набегит какой-нибудь богатенький, так просто жалость было смотреть на Карандышева: и не говорят с ним, и не смотрят на него. А он-то, в углу сидя, разные роли разыгрывает, дикие взгляды бросает, отчаянным прикидывается. Раз застрелиться хотел, да не вышло ничего, только насмешил всех. А то вот потеха-то: был у них как-то, еще при Паратове, костюмированный вечер; так Карандышев оделся разбойником, взял в руки топор и бросал на всех зверские взгляды, особенно на Сергея Сергеича.

Кнуров . И что же?

Вожеватов . Топор отняли и переодеться велели; а то, мол, пошел вон!

Кнуров . Значит, он за постоянство награжден. Рад, я думаю.

Вожеватов . Еще как рад-то, сияет, как апельсин. Что смеху-то! Ведь он у нас чудак. Ему бы жениться поскорей да уехать в свое именишко, пока разговоры утихнут, – так и Огудаловым хотелось, – а он таскает Ларису на бульвар, ходит с ней под руку, голову так высоко поднял, что, того и гляди, наткнется на кого-нибудь. Да еще очки надел зачем-то, а никогда их не носил. Кланяется – едва кивает; тон какой взял: прежде и не слышать его было, а теперь все «я да я, я хочу, я желаю».

Кнуров . Как мужик русский: мало радости, что пьян, надо поломаться, чтоб все видели; поломаются, поколотят его раза два, ну, он и доволен, и идет спать.

Вожеватов . Да, кажется, и Карандышеву не миновать.

Кнуров . Бедная девушка! как она страдает, на него глядя, я думаю.

Вожеватов . Квартиру свою вздумал отделявать, – вот чудит-то. В кабинете ковер грошевый на стену прибил, кинжалов, пистолетов тульских навешал: уж диви бы охотник, а то и ружья-то никогда в руки не брал. Тащит к себе, показывает; надо хвалить, а то обидишь: человек самолубивый, завистливый. Лошадь из деревни выписал, клячу какую-то разношерстную, кучер маленький, а кафтан на нем с большого. И возит на этом верблюде-то Ларису Дмитриевну; сидит так гордо, будто на тысячных рысках едет. С бульвара выходит, так кричит городовому: «Прикажи подавать мой экипаж!» Ну, и подъезжает этот экипаж с музыкой: все винты, все гайки дребезжат на разные голоса, а рессоры-то трепещутся, как живые.

Кнуров . Жаль бедную Ларису Дмитриевну! Жаль.

Вожеватов . Что вы очень жалостливы стали?

Кнуров . Да разве вы не видите, что эта женщина создана для роскоши? Дорогой бриллиант дорогой и оправы требует.

Вожеватов . И хорошего ювелира.

Кнуров . Совершенную правду вы сказали. Ювелир – не простой мастеровой: он должен быть художником. В нищенской обстановке, да еще за дураком мужем, она или погибнет, или опоплится.

Вожеватов . А я так думаю, что бросит она его скорехонько. Теперь еще она, как убитая; а вот оправится да поглядит на мужа попристальнее, каков он... *(Тихо.)* Вот они, легки на помине-то.

Входят Карандышев , Огудалова , Лариса . Вожеватов встает и кланяется. Кнуров вынимает газету.

Явление третье

Кнуров , Вожеватов , Карандышев , Огудалова ; Лариса в глубине садится на скамейку у решетки и смотрит в бинокль за Волгу; Гаврило , Иван .

Огудалова *(подходя к столу)* . Здравствуйте, господа!

Карандышев подходит за ней. Вожеватов подает руку Огудаловой и Карандышеву. Кнуров, молча и не вставая с места, подает руку Огудаловой, слегка кивает Карандышеву и погружается в чтение газеты.

Вожеватов . Харита Игнатьевна, присядьте, милости просим! *(Подвигает стул.)*

Огудалова садится.

Чайку не прикажете ли?

Карандышев садится поодаль.

Огудалова . Пожалуй, чашку выпью.

Вожеватов . Иван, подай чашку да прибавь кипяточку!

Иван берет чайник и уходит.

Карандышев . Что за странная фантазия пить чай в это время? Удивляюсь.

Вожеватов . Жажда, Юлий Капитоныч, а что пить, не знаю. Посоветуйте – буду очень благодарен.

Карандышев (*смотрит на часы*) . Теперь полдень, можно выпить рюмочку водки, съесть котлетку, выпить стаканчик вина хорошего. Я всегда так завтракаю.

Вожеватов (*Огудаловой*) . Вот жизнь-то, Харита Игнатьевна, позавидуешь. (*Карандышеву.*) Пожил бы, кажется, хоть денек на вашем месте. Водочки да винца! Нам так нельзя-с, пожалуй, разум потеряешь. Вам можно все: вы капиталу не проживете, потому его нет, а уж мы такие горькие зародились на свете, у нас дела очень велики; так нам разума-то терять и нельзя.

Иван подает чайник и чашку.

Пожалуйте, Харита Игнатьевна! (*Наливает и подает чашку.*) Я и чай-то холодный пью, чтобы люди не сказали, что я горячие напитки употребляю.

Огудалова . Чай-то холодный, только, Вася, ты мне крепко налил.

Вожеватов . Ничего-с. Выкушайте, сделайте одолжение! На воздухе не вредно.

Карандышев (*Ивану*) . Приходи ко мне сегодня служить за обедом!

Иван . Слушаю-с, Юлий Капитоныч.

Карандышев . Ты, братец, почище оденься!

Иван . Известное дело – фрак; нешто не понимаем-с!

Карандышев . Василий Данилыч, вот что: приезжайте-ка вы ко мне обедать сегодня!

Вожеватов . Покорно благодарю. Мне тоже во фраке прикажете?

Карандышев . Как вам угодно: не стесняйтесь. Однако дамы будут.

Вожеватов (*кланяясь*) . Слушаю-с. Надеюсь не уронить себя.

Карандышев (*переходит к Кнурову*) . Мокий Парменыч, не угодно ли вам будет сегодня отобедать у меня?

Кнуров (*с удивлением оглядывает его*) . У вас?

Огудалова . Мокий Парменыч, это все равно, что у нас, – этот обед для Ларисы.

Кнуров . Да, так это вы приглашаете? Хорошо, я приеду.

Карандышев . Так уж я буду надеяться.

Кнуров . Уж я сказал, что приеду. (*Читает газету.*)

Огудалова . Юлий Капитоныч – мой будущий зять: я выдаю за него Ларису.

Кнуров (*продолжая читать*) . Это ваше дело.

Карандышев . Да-с, Мокий Парменыч, я рискнул. Я и вообще всегда был выше предрассудков.

Кнуров закрывается газетой.

Вожеватов (*Огудаловой*) . Мокий Парменыч строг.

Карандышев (*отходя от Кнурова к Вожеватову*) . Я желаю, чтоб Ларису Дмитриевну окружали только избранные люди.

Вожеватов . Значит, и я к избранному обществу принадлежу? Благодарю, не ожидал. (*Гавриле.*) Гаврило, сколько с меня за чай?

Гаврило . Две порции изволили спрашивать?

Вожеватов . Да, две порции.

Гаврило . Так уж сами знаете, Василий Данилыч, не в первый раз... Тринадцать рублей-с.

Вожеватов . То-то, я думал, что подешевле стало.

Гаврило . С чего дешевле-то быть! Курсы, пошлина, помилуйте!

Вожеватов . Да ведь я не спорю с тобой: что ты пристаешь! Получай деньги и отстань!
(Отдает деньги.)

Карандышев . За что же так дорого? Я не понимаю.

Гаврило . Кому дорого, а кому нет. Вы такого чая не кушаете.

Огудалова (Карандышеву) . Перестаньте вы, не мешайтесь не в свое дело!

Иван . Василий Данилыч, «Ласточка» подходит.

Вожеватов . Мокий Парменыч, «Ласточка» подходит; не угодно ли взглянуть? Мы вниз не пойдем, с горы посмотрим.

Кнуров . Пойдемте. Любопытно. (Встает.)

Огудалова . Вася, я доеду на твоей лошади.

Вожеватов . Поезжайте, только пришлите поскорей! (Подходит к Ларисе и говорит с ней тихо.)

Огудалова (подходит к Кнурову) . Мокий Парменыч, затеяли мы свадьбу, так не поверите, сколько хлопот.

Кнуров . Да.

Огудалова . И вдруг такие расходы, которых никак нельзя было ожидать... Вот завтра рождение Ларисы, хотелось бы что-нибудь подарить.

Кнуров . Хорошо; я к вам заеду.

Огудалова уходит.

Лариса (Вожеватову) . До свиданья, Вася!

Вожеватов и Кнуров уходят. Лариса подходит к Карандышеву.

Явление четвертое

Карандышев и Лариса .

Лариса . Я сейчас все за Волгу смотрела: как там хорошо, на той стороне! Поедемте поскорей в деревню!

Карандышев . Вы за Волгу смотрели? А что с вами Вожеватов говорил?

Лариса . Ничего, так, — пустыки какие-то. Меня так и манит за Волгу, в лес...
(Задумчиво.) Уедемте, уедемте отсюда!

Карандышев . Однако это странно! Об чем он мог с вами разговаривать?

Лариса . Ах, да об чем бы он ни говорил, — что вам за дело!

Карандышев . Называете его Васей. Что за фамильярность с молодым человеком!

Лариса . Мы с малолетства знакомы; еще маленькие играли вместе — ну, я и привыкла.

Карандышев . Вам надо старые привычки бросить. Что за короткость с пустым, глупым мальчиком! Нельзя же терпеть того, что у вас до сих пор было.

Лариса (обижаясь) . У нас ничего дурного не было.

Карандышев . Был цыганский табор-с — вот что было.

Лариса утирает слезы.

Чем же вы обиделись, помилуйте!

Лариса . Что ж, может быть, и цыганский табор; только в нем было, по крайней мере,

весело. Сумеете ли вы дать мне что-нибудь лучше этого табора?

Карандышев . Уж конечно.

Лариса . Зачем вы постоянно попрекаете меня этим табором? Разве мне самой такая жизнь нравилась? Мне было приказано, так нужно было маменьке; значит, волей или неволей, я должна была вести такую жизнь. Колоть беспрестанно мне глаза цыганской жизнью или глупо, или безжалостно. Если б я не искала тишины, уединения, не захотела бежать от людей – разве бы я пошла за вас? Так умейте это понять и не приписывайте моего выбора своим достоинствам, я их еще не вижу. Я еще только хочу полюбить вас; меня манит скромная семейная жизнь, она мне кажется каким-то раем. Вы видите, я стою на распутье; поддержите меня, мне нужно ободрение, сочувствие; отнеситесь ко мне нежно, с лаской! Ловите эти минуты, не пропустите их!

Карандышев . Лариса Дмитриевна, я совсем не хотел вас обидеть, это я сказал так...

Лариса . Что значит «так»? То есть не подумавши? Вы не понимаете, что в ваших словах обида, так, что ли?

Карандышев . Конечно, я без умыслу.

Лариса . Так это еще хуже. Надо думать, о чем говоришь. Болтайте с другими, если вам нравится, а со мной говорите осторожнее! Разве вы не видите, что положение мое очень серьезно! Каждое слово, которое я сама говорю и которое я слышу, я чувствую. Я сделалась очень чутка и впечатлительна.

Карандышев . В таком случае я прошу извинить меня.

Лариса . Да бог с вами, только вперед будьте осторожнее! *(Задумчиво.)* Цыганский табор... Да, это, пожалуй, правда... но в этом таборе были и хорошие, и благородные люди.

Карандышев . Кто же эти благородные люди? Уж не Сергей ли Сергеич Паратов?

Лариса . Нет, я прошу вас, вы не говорите о нем!

Карандышев . Да почему же-с?

Лариса . Вы его не знаете, да хоть бы и знали, так... извините, не вам о нем судить.

Карандышев . Об людях судят по поступкам. Разве он хорошо поступил с вами?

Лариса . Это уж мое дело. Если я боюсь и не смею осуждать его, так не позволю и вам.

Карандышев . Лариса Дмитриевна, скажите мне, только, прошу вас, говорите откровенно!

Лариса . Что вам угодно?

Карандышев . Ну чем я хуже Паратова?

Лариса . Ах, нет, оставьте!

Карандышев . Позвольте, отчего же?

Лариса . Не надо! не надо! Что за сравнения!

Карандышев . А мне бы интересно было слышать от вас.

Лариса . Не спрашивайте, не нужно!

Карандышев . Да почему же?

Лариса . Потому что сравнение не будет в вашу пользу. Сами по себе вы что-нибудь значите, вы хороший, честный человек; но от сравнения с Сергеем Сергеичем вы теряете все.

Карандышев . Ведь это только слова: нужны доказательства. Вы разберите нас хорошенько!

Лариса . С кем вы равняетесь! Возможно ли такое ослепление! Сергей Сергеич... это идеал мужчины. Вы понимаете, что такое идеал? Быть может, я ошибаюсь, я еще молода, не знаю людей; но это мнение изменить во мне нельзя, оно умрет со мной.

Карандышев . Не понимаю-с, не понимаю, что в нем особенного; ничего, ничего не вижу. Смелость какая-то, дерзость... Да это всякий может, если захочет.

Лариса . Да вы знаете, какая это смелость?

Карандышев . Да какая ж такая, что тут необыкновенного? Стоит только напустить на себя.

Лариса . А вот какая, я вам расскажу один случай. Проезжал здесь один кавказский офицер, знакомый Сергея Сергеича, отличный стрелок; были они у нас. Сергей Сергеич и

говорит: «Я слышал, вы хорошо стреляете». – «Да, недурно», – говорит офицер. Сергей Сергеич дает ему пистолет, ставит себе стакан на голову и отходит в другую комнату, шагов на двенадцать. «Стреляйте», – говорит.

Карандышев . И он стрелял?

Лариса . Стрелял и, разумеется, сшиб стакан, но только побледнел немного. Сергей Сергеич говорит: «Вы прекрасно стреляете, но вы побледнели, стреляя в мужчину и человека вам не близкого. Смотрите, я буду стрелять в девушку, которая для меня дороже всего на свете, и не побледнею». Дает мне держать какую-то монету, равнодушно, с улыбкой, стреляет на таком же расстоянии и выбивает ее.

Карандышев . И вы послушали его?

Лариса . Да разве можно его не послушать?

Карандышев . Разве уж вы были так уверены в нем?

Лариса . Что вы! Да разве можно быть в нем неуверенной?

Карандышев . Сердца нет, оттого он так и смел.

Лариса . Нет, и сердце есть. Я сама видела, как он помогал бедным, как отдавал все деньги, которые были с ним.

Карандышев . Ну, положим, Паратов имеет какие-нибудь достоинства, по крайней мере, в глазах ваших; а что такое этот купчик Вожеватов, этот ваш Вася?

Лариса . Вы не ревновать ли? Нет, уж вы эти глупости оставьте! Это пошло, я не переношу этого, я вам заранее говорю. Не бойтесь, я не люблю и не полюблю никого.

Карандышев . А если б явился Паратов?

Лариса . Разумеется, если б явился Сергей Сергеич и был свободен, так довольно одного его взгляда... Успокойтесь, он не явился, а теперь хоть и явится, так уж поздно... Вероятно, мы никогда и не увидимся более.

На Волге пушечный выстрел.

Что это?

Карандышев . Какой-нибудь купец-самодур слезает с своей баржи, так в честь его салютуют.

Лариса . Ах, как я испугалась!

Карандышев . Чего, помилуйте?

Лариса . У меня нервы расстроены. Я сейчас с этой скамейки вниз смотрела, и у меня закружилась голова. Тут можно очень ушибиться?

Карандышев . Ушибиться! Тут верная смерть: внизу мощено камнем. Да, впрочем, тут так высоко, что умрешь прежде, чем долетишь до земли.

Лариса . Пойдемте домой, пора!

Карандышев . Да и мне нужно, у меня ведь обед.

Лариса (*подойдя к решетке*) . Подождите немного. (*Смотрит вниз.*) Ай, ай! держите меня!

Карандышев (*берет Ларису за руку*) . Пойдемте, что за ребячество! (*Уходят.*)

Гаврило и Иван выходят из кофейней.

Явление пятое

Гаврило и Иван .

Иван . Пушка! Барин приехал, барин приехал, Сергей Сергеич.

Гаврило . Я говорил, что он. Уж я знаю: видно сокола по полету.

Иван . Коляска пустая в гору едет, значит господа пешком идут. Да вот они! (*Убегает в кофейную.*)

Гаврило . Милости просим. Чем только их попотчевать-то, не сообразишь.

*Входят **Паратов** (черный однобортный сюртук в обтяжку, высокие лаковые сапоги, белая фуражка, через плечо дорожная сумка), **Робинзон** (в плаще, правая пола закинута на левое плечо, мягкая высокая шляпа надета набок). **Кнуров** , **Вожеватов** ; **Иван** выбегает из кофейной с веничком и бросается обметать Паратова.*

Явление шестое

***Паратов** , **Робинзон** , **Кнуров** , **Вожеватов** , **Гаврило** и **Иван** .*

Паратов (*Ивану*) . Да что ты! Я с воды, на Волге-то не пыльно.

Иван . Все-таки, сударь, нельзя же... порядок требует. Целый год-то вас не видали, да чтобы... с приездом, сударь.

Паратов . Ну, хорошо, спасибо! На! (*Дает ему рублевую бумажку.*)

Иван . Покорнейше благодарим-с. (*Отходит.*)

Паратов . Так вы меня, Василий Данилыч, с «Самолетом» ждали?

Вожеватов . Да ведь я не знал, что вы на своей «Ласточке» прилетите; я думал, что она с баржами идет.

Паратов . Нет, я баржи продал. Я думал нынче рано утром приехать, мне хотелось обогнать «Самолет»; да трус машинист. Кричу кочегарам: «Шуруй!», а он у них дрова отнимает. Вылез из своей муры: «Если вы, – говорит, – хоть полено еще подкинете, я за борт выброшусь». Боялся, что котел не выдержит, цифры мне какие-то на бумажке выводил, давление рассчитывал. Иностранец, голландец он, душа коротка; у них арифметика вместо души-то. А я, господа, и позабыл познакомить вас с моим другом. Мокий Парменыч, Василий Данилыч! Рекомендую: Робинзон.

Робинзон важно раскланивается и подает руку Кнурову и Вожеватову.

Вожеватов . А как их по имени и отчеству?

Паратов . Так, просто, Робинзон, без имени и отчества.

Робинзон (*Паратову*) . Серж!

Паратов . Что тебе?

Робинзон . Полдень, мой друг, я стражду.

Паратов . А вот погоди, в гостиницу приедем.

Робинзон (*показывая на кофейную*) . Voila^[1]!

Паратов . Ну, ступай, чорт с тобой!

Робинзон идет в кофейную.

Гаврило, ты этому барину больше одной рюмки не давай; он характера непокойного.

Робинзон (*пожмывая плечами*) . Серж! (*Уходит в кофейную. Гаврило за ним.*)

Паратов . Это, господа, провинциальный актер. Счастливец Аркадий.

Вожеватов . Почему же он Робинзон?

Паратов . А вот почему: ехал он на каком-то пароходе, уж не знаю, с другом своим, с купеческим сыном Непутевым; разумеется, оба пьяные до последней возможности. Творили они, что только им в голову придет, публика все терпела. Наконец, в довершение безобразия, придумали драматическое представление: разделись, разрежали подушку, вывалились в пуху и начали изображать диких; тут уж капитан, по требованию пассажиров, и высадил их на

¹ Вот!

пустой остров. Бежим мы мимо этого острова, гляжу, кто-то зовет, поднявши руки вверх. Я сейчас «стоп», сажусь сам в шлюпку и обретаю артиста Счастливецова. Взял его на пароход, одел с ног до головы в свое платье, благо у меня много лишнего. Господа, я имею слабость к артистам... Вот почему он Робинзон.

Вожеватов . А Непутевый на острове остался?

Паратов . Да на что он мне; пусть проветрится. Сами посудите, господа, ведь в дороге скука смертная, всякому товарищу рад.

Кнуров . Еще бы, конечно.

Вожеватов . Это такое счастье, такое счастье! Вот находка-то золотая!

Кнуров . Одно только неприятно, пьянством одолевает.

Паратов . Нет, со мной, господа, нельзя: я строг на этот счет. Денег у него нет, без моего разрешения давать не велено, а у меня как попросит, так я ему в руки французские разговоры – на счастье нашлись у меня; изволь прежде страницу выучить, без того не дам. Ну, и учит, сидит. Как старается!

Вожеватов . Эко вам счастье, Сергей Сергеич! Кажется, ничего б не пожалел за такого человека, а нет как нет. Он хороший актер?

Паратов . Ну, нет, какой хороший! Он все амплу прошел и в суфлерах был; а теперь в оперетках играет. Ничего, так себе, смешит.

Вожеватов . Значит, веселый?

Паратов . Потешный господин.

Вожеватов . И пошутить с ним можно?

Паратов . Ничего, он не обидчив. Вот отводите свою душу, могу его вам дня на два, на три предоставить.

Вожеватов . Очень благодарен. Коли придет по нраву, так не останется в накладе.

Кнуров . Как это вам, Сергей Сергеич, не жаль «Ласточку» продавать?

Паратов . Что такое «жаль», этого я не знаю. У меня, Мокий Парменыч, ничего заветного нет; найду выгоду, так все продам, что угодно. А теперь, господа, у меня другие дела и другие расчеты; Я женюсь на девушке очень богатой, беру в приданое золотые прииски.

Вожеватов . Приданое хорошее.

Паратов . Но достается оно мне не дешево: я должен проститься с моей свободой, с моей веселой жизнью; поэтому надо постараться как можно повеселей провести последние дни.

Вожеватов . Будем стараться, Сергей Сергеич, будем стараться.

Паратов . Отец моей невесты важный чиновный господин; старик строгий: он слышать не может о цыганах, о кутежах и о прочем; даже не любит, кто много курит табаку. Тут уж надевай фрак и *parlez francais!*^[2] Вот я теперь и практикуюсь с Робинзоном. Только он, для важности, что ли, уж не знаю, зовет меня «ля-Серж», а не просто «Серж». Умора!

На крыльце кофейной показывается Робинзон , что-то жует, за ним Гаврило .

Явление седьмое

Паратов , Кнуров , Вожеватов , Робинзон , Гаврило и Иван .

Паратов (Робинзону) . *Que faites-vous la? Venez!*^[3]

Робинзон (с важностью) . *Comment?*^[4]

² Говорите по-французски!

³ Что вы там делаете? Идите сюда!

Паратов . Что за прелесть! Каков тон, господа! (*Робинзону.*) Оставь ты эту вашу скверную привычку бросать порядочное общество для трактира!

Вожеватов . Да, это за ними водится.

Робинзон . Ля-Серж, ты уж успел... Очень нужно было.

Паратов . Да, извини, я твой псевдоним раскрыл.

Вожеватов . Мы, Робинзон, тебя не выдадим, ты у нас так за англичанина и пойдешь.

Робинзон . Как, сразу на «ты»? Мы с вами брудершафт не пили.

Вожеватов . Это все равно... Что за церемонии!

Робинзон . Но я фамильярности не терплю и не позволю всякому...

Вожеватов . Да я не всякий.

Робинзон . А кто же вы?

Вожеватов . Купец.

Робинзон . Богатый?

Вожеватов . Богатый.

Робинзон . И тароватый?

Вожеватов . И тароватый.

Робинзон . Вот это в моем вкусе. (*Подает руку Вожеватову.*) Очень приятно! Вот теперь я могу тебе позволить обращаться со мной запросто.

Вожеватов . Значит, приятели: два тела – одна душа.

Робинзон . И один карман. Имя-отчество? То есть одно имя, отчество не надо.

Вожеватов . Василий Данилыч.

Робинзон . Так вот, Вася, для первого знакомства заплати за меня!

Вожеватов . Гаврило, запиши! Сергей Сергеич, мы нынче вечером прогулочку сочиним за Волгу. На одном катере цыгане, на другом мы; приедем, усядемся на коврике, жженочку сварим.

Гаврило . А у меня, Сергей Сергеич, два ананасика давно вас дожидаются; надо их нарушить для вашего приезда.

Паратов (*Гавриле*) . Хорошо, срежь! (*Вожеватову.*) Делайте, господа, со мной, что хотите!

Гаврило . Да уж я, Василий Данилыч, все заготовлю, что требуется; у меня и кастрюлечка серебряная водится для таких okazji; уж я и своих людей с вами отпущу.

Вожеватов . Ну, ладно. Чтобы к шести часам все было готово; коли что лишнее припасешь, взыску не будет; а за недостачу ответишь.

Гаврило . Понимаем-с.

Вожеватов . А назад поедem, на катерах разноцветные фонарики зажжем.

Робинзон . Давно ли я его знаю, а уж полюбил, господа. Вот чудо-то!

Паратов . Главное, чтоб весело. Я прощаюсь с холостой жизнью, так чтоб было чем ее вспомнить. А откусать сегодня, господа, прошу ко мне.

Вожеватов . Эка досада! Ведь нельзя, Сергей Сергеич.

Кнуров . Отозваны мы.

Паратов . Откажитесь, господа.

Вожеватов . Отказаться-то нельзя: Лариса Дмитриевна выходит замуж, так мы у жениха обедаем.

Паратов . Лариса выходит замуж! (*Задумывается.*) Что ж... Бог с ней! Это даже лучше... Я немножко виноват перед ней, то есть так виноват, что не должен бы и носу к ним показывать; ну, а теперь она выходит замуж, значит, старые счета покончены, и я могу опять явиться поцеловать ручки у ней и у тетеньки. Я Хариту Игнатьевну для краткости тетенькой зову. Ведь я было чуть не женился на Ларисе, – вот бы людей-то насмешил! Да, разыграл было дурака. Замуж выходит... Это очень мило с ее стороны; все-таки на душе у меня

немного полегче... и дай ей бог здоровья и всякого благополучия! Заеду я к ним, заеду; любопытно, очень любопытно поглядеть на нее.

Вожеватов . Уж наверное и вас пригласят.

Паратов . Само собой, как же можно без меня!

Кнуров . Я очень рад, все-таки будет с кем хоть слово за обедом перемолвить.

Вожеватов . Там и потолкуем, как нам веселее время провести, может, и еще что придумаем.

Паратов . Да, господа, жизнь коротка, говорят философы, так надо уметь ею пользоваться. N'est ce pas^[5], Робинзон?

Робинзон . Вуй, ля-Серж.

Вожеватов . Постараемся; скучать не будете: на том стоим. Мы третий катер прихватим, полковую музыку посадим.

Паратов . До свидания, господа! Я в гостиницу. Марш, Робинзон!

Робинзон (*поднимая шляпу*) .

Да здравствует веселье!

Да здравствует Услад!

Действие второе

Лица

Огудалова .

Лариса .

Карандышев .

Паратов .

Кнуров .

Вожеватов .

Робинзон .

Илья-цыган .

Лакей Огудаловой.

Комната в доме Огудаловой; две двери: одна, в глубине, входная; другая налево от актеров; направо окно; мебель приличная, фортепьяно, на нем лежит гитара.

Явление первое

Огудалова одна. *Подходит к двери налево, с коробочкой в руках.*

Огудалова . Лариса, Лариса!

Лариса за сценой : «Я, мама, одеваюсь».

Погляди-ка, какой тебе подарок Вася привез!

Лариса за сценой : «После погляжу!»

⁵ Неправда ли?

Какие вещи – рублей 500 стоят. «Положите, – говорит, – завтра поутру в ее комнату и не говорите, от кого». А ведь знает, плутишка, что я не утерплю, скажу. Я его просила посидеть, не остался, с каким-то иностранцем ездит, город ему показывает. Да ведь шут он, у него не разберешь, нарочно он или вправду. «Надо, – говорит, – этому иностранцу все замечательные трактирные заведения показать». Хотел к нам привезти этого иностранца. *(Взглянув в окно.)* А вот и Мокий Парменыч! Не выходи, я лучше одна с ним потолкую.

Входит Кнуров .

Явление второе

Огудалова и Кнуров .

Кнуров *(в дверях)* . У вас никого нет?

Огудалова . Никого, Мокий Парменыч.

Кнуров *(входит)* . Ну, и прекрасно.

Огудалова . На чем записать такое счастье! Благодарна, Мокий Парменыч, очень благодарна, что удостоили. Я так рада, растерялась, право... не знаю, где и посадить вас.

Кнуров . Все равно, сяду где-нибудь. *(Садится.)*

Огудалова . А Ларису извините, она переодевается. Да ведь можно ее поторопить.

Кнуров . Нет, зачем беспокоить!

Огудалова . Как это вы вздумали?

Кнуров . Брожу ведь я много пешком перед обедом-то, ну, вот и зашел.

Огудалова . Будьте уверены, Мокий Парменыч, что мы за особенное счастье поставляем ваш визит; ни с чем этого сравнить нельзя.

Кнуров . Так выдаете замуж Ларису Дмитриевну?

Огудалова . Да, замуж, Мокий Парменыч.

Кнуров . Нашелся жених, который берет без денег?

Огудалова . Без денег, Мокий Парменыч, где ж нам взять денег-то.

Кнуров . Что ж он, средства имеет большие, жених-то ваш?

Огудалова . Какие средства! Самые ограниченные.

Кнуров . Да... А как вы полагаете, хорошо вы поступили, что отдаете Ларису Дмитриевну за человека бедного?

Огудалова . Не знаю, Мокий Парменыч. Я тут ни при чем, ее воля была.

Кнуров . Ну, а этот молодой человек, как, по-вашему: хорошо поступает?

Огудалова . Что ж, я нахожу, что это похвально с его стороны.

Кнуров . Ничего тут нет похвального, напротив, это непохвально. Пожалуй, с своей точки зрения, он не глуп. Что он такое, кто его знал, кто на него обращал внимание! А теперь весь город заговорит про него, он влезает в лучшее общество, он позволяет себе приглашать меня на обед, например... Но вот что глупо: он не подумал или не захотел подумать, как и чем ему жить с такой женой. Вот об чем поговорить нам с вами следует.

Огудалова . Сделайте одолжение, Мокий Парменыч!

Кнуров . Как вы думаете о вашей дочери, что она такое?

Огудалова . Да уж я не знаю, что и говорить; мне одно осталось: слушать вас.

Кнуров . Ведь в Ларисе Дмитриевне земного, этого житейского, нет. Ну, понимаете, тривиального, что нужно для бедной семейной жизни.

Огудалова . Ничего нет, ничего.

Кнуров . Ведь это эфир.

Огудалова . Эфир, Мокий Парменыч.

Кнуров . Она создана для блеску.

Огудалова . Для блеску, Мокий Парменыч,

Кнуров . Ну, а может ли ваш Карандышев доставить ей этот блеск?

Огудалова . Нет, где же!

Кнуров . Бедной полумещанской жизни она не вынесет. Что ж остается ей? Захвнуть, а потом, как водится, — чахотка.

Огудалова . Ах, что вы, что вы! Сохрани бог!

Кнуров . Хорошо, если она догадается поскорее бросить мужа и вернуться к вам.

Огудалова . Опять беда, Мокий Парменыч: чем нам жить с дочерью!

Кнуров . Ну, эта беда поправимая. Теплое участие сильного, богатого человека...

Огудалова . Хорошо, как найдется это участие.

Кнуров . Надо постараться приобрести. В таких случаях доброго друга, солидного, прочного иметь необходимо.

Огудалова . Уж как необходимо-то.

Кнуров . Вы можете мне сказать, что она еще и замуж-то не вышла, что еще очень далеко то время, когда она может разойтись с мужем. Да, пожалуй, может быть, что и очень далеко, а ведь может быть, что и очень близко. Так лучше предупредить вас, чтобы вы еще не сделали какой-нибудь ошибки, чтоб знали, что я для Ларисы Дмитриевны ничего не пожалею. Что вы улыбаетесь?

Огудалова . Я очень рада, Мокий Парменыч, что вы так расположены к нам.

Кнуров . Вы, может быть, думаете, что такие предложения не бывают бескорыстны?

Огудалова . Ах, Мокий Парменыч!

Кнуров . Обижайтесь, если угодно, прогоните меня.

Огудалова (*конфузясь*) . Ах, Мокий Парменыч!

Кнуров . Найдите таких людей, которые посулят вам десятки тысяч даром, да тогда и браните меня. Не трудитесь напрасно искать, не найдете. Но я увлекся в сторону, я пришел не для этих разговоров. Что это у вас за коробочка?

Огудалова . Это я, Мокий Парменыч, хотела дочери подарок сделать.

Кнуров (*рассматривая вещи*) . Да...

Огудалова . Да дорого, не по карману.

Кнуров (*отдает коробочку*) . Ну, это пустяки; есть дело поважнее. Вам нужно сделать для Ларисы Дмитриевны хороший гардероб, то есть мало сказать хороший — очень хороший. Подвенечное платье, ну, и все там, что следует.

Огудалова . Да, да, Мокий Парменыч.

Кнуров . Обидно будет видеть, если ее оденут кой-как. Так вы закажите все это в лучшем магазине, да не рассчитывайте, не копейничайте! А счета пришлите ко мне, я заплачу.

Огудалова . Право, даже уж и слов-то не подберешь, как благодарить вас!

Кнуров . Вот зачем собственно я зашел к вам. (*Встает.*)

Огудалова . А все-таки мне завтра хотелось бы дочери сюрприз сделать. Сердце матери, знаете...

Кнуров (*берет коробочку*) . Ну, что там такое? Что его стоит?

Огудалова . Оцените, Мокий Парменыч!

Кнуров . Что тут ценить! Пустое дело! Триста рублей это стоит. (*Достает из бумажника деньги и отдает Огудаловой.*) До свиданья! Я пойду еще побродить, я нынче на хороший обед рассчитываю. За обедом увидимся. (*Идет к двери.*)

Огудалова . Очень, очень вам благодарна за все, Мокий Парменыч, за все!

Кнуров уходит. Входит Лариса с корзинкой в руках.

Явление третье

Огудалова и Лариса .

Лариса (*ставит корзинку на столик и рассматривает вещи в коробочке*) . Это Вася-то

подарил? Недурно. Какой милый!

Огудалова . «Недурно». Это очень дорогие вещи. Будто ты и не рада?

Лариса . Никакой особенной радости не чувствую.

Огудалова . Ты поблагодари Васю, так шепни ему на ухо: «благодарю, мол». И Кнурову тоже.

Лариса . А Кнурову за что?

Огудалова . Уж так надо, я знаю, за что.

Лариса . Ах, мама, все-то у тебя секреты да хитрости.

Огудалова . Ну, ну, хитрости! Без хитрости на свете не проживешь.

Лариса *(берет гитару, садится к окну и запекает)* .

Матушка, голубушка, солнышко мое,
Пожалей, родимая, дитячко твое!

Юлий Капитоныч хочет в мировые судьи баллотироваться.

Огудалова . Ну, вот и прекрасно. В какой уезд?

Лариса . В Заболотье!

Огудалова . Ай, в лес ведь это. Что ему вздумалось такую даль?

Лариса . Там кандидатов меньше: наверное выберут.

Огудалова . Что ж, ничего, и там люди живут.

Лариса . Мне хоть бы в лес, да только поскорей отсюда вырваться.

Огудалова . Да ото и хорошо в захолустье пожить, там и твой Карандышев мил покажется; пожалуй, первым человеком в уезде будет; вот помаленьку и привыкнешь к нему.

Лариса . Да он и здесь хорош, я в нем ничего не замечаю дурного.

Огудалова . Ну, что уж! Такие ль хорошие-то бывают!

Лариса . Конечно, есть и лучше, я сама это очень хорошо знаю.

Огудалова . Есть, да не про нашу честь.

Лариса . Теперь для меня и этот хорош. Да что толковать, дело решеное.

Огудалова . Я ведь только радуюсь, что он тебе нравится. Слава богу. Осуждать его перед тобой я не стану; а и притворяться-то нам друг перед другом нечего – ты сама не слепая.

Лариса . Я ослепла, я все чувства потеряла, да и рада. Давно уж точно во сне все вижу, что кругом меня происходит. Нет, уехать надо, вырваться отсюда. Я стану приставать к Юлию Капитонычу. Скоро и лето пройдет, а я хочу гулять по лесам, собирать ягоды, грибы...

Огудалова . Вот для чего ты корзиночку-то приготовила! Понимаю теперь. Ты уж и шляпу соломенную с широкими полями заведи, вот и будешь пастушкой.

Лариса . И шляпу заведу. *(Запекает.)*

Не искушай меня без нужды.

Там спокойствие, тишина.

Огудалова . А вот сентябрь настанет, так не очень тихо будет, ветер-то загудит в окна.

Лариса . Ну, что ж такое.

Огудалова . Волки завоюют на разные голоса.

Лариса . Все-таки лучше, чем здесь. Я по крайней мере душой отдохну.

Огудалова . Да разве я тебя отговариваю? Поезжай, сделай милость, отдыхай душой! Только знай, что Заболотье не Италия. Это я обязана тебе сказать; а то, как ты разочаруешься, так меня же будешь винить, что я тебя не предупредила.

Лариса . Благодарю тебя. Но пусть там и дико, и глухо, и холодно; для меня после той жизни, которую я здесь испытала, всякий тихий уголок покажется раем. Что это Юлий Капитоныч медлит, я не понимаю.

Огудалова . До деревни ль ему! Ему покрасоваться хочется. Да и не удивительно: из ничего, да в люди попал.

Лариса *(напевает)* .

Не искушай меня без нужды.

Экая досада, не налажу никак... *(Взглянув в окно.)* Илья, Илья! Зайди на минутку. Наберу с собой в деревню романсов и буду играть да петь от скуки.

Входит Илья .

Явление четвертое

Огудалова, Лариса и Илья .

Илья . С праздником! Дай бог здорово да счастливо! *(Кладет фуражку на стул у двери.)*

Лариса . Илья, наладь мне: «Не искушай меня без нужды!» Все сбиваюсь. *(Подает гитару.)*

Илья . Сейчас, барышня. *(Берет гитару и подстраивает.)* Хороша песня; она в три голоса хороша, тенор надо: второе колено делает... Больно хорошо. А у нас беда, ах, беда!

Огудалова . Какая беда?

Илья . Антон у нас есть, тенором поет.

Огудалова . Знаю, знаю.

Илья . Один тенор и есть, а то все басы. Какие басы, какие басы! А тенор один Антон.

Огудалова . Так что ж?

Илья . Не годится в хор, – хоть брось.

Огудалова . Нездоров?

Илья . Нет, здоров, совсем невредимый.

Огудалова . Что же с ним?

Илья . Пополам перегнуло набок, совсем углом; так глаголем и ходит, другая неделя. Ах, беда! Теперь в хоре всякий лишний человек дорого стоит; а без тенора как быть! К дохтору ходил, дохтор и говорит: «Через неделю, через две отпустит, опять прямой будешь». А нам теперь его надо.

Лариса . Да ты пой.

Илья . Сейчас, барышня. Секунда фальшивит. Вот беда, вот беда! В хоре надо браво стоять, а его набок перегнуло.

Огудалова . От чего это с ним?

Илья . От глупости.

Огудалова . От какой глупости?

Илья . Такая есть глупость в нас. Говорил: «Наблюдай, Антон, эту осторожность!» А он не понимает.

Огудалова . Да и мы не понимаем.

Илья . Ну, не вам будь сказано, гулял, так гулял, так гулял. Я говорю: «Антон, наблюдай эту осторожность!» А он не понимает. Ах, беда, ах, беда! Теперь сто рублей человек стоит, вот какое дело у нас; такого барина ждем. А Антона набок светло. Какой прямой цыган был, а теперь кривой. *(Запевает басом.)* «Не искушай...»

Голос в окно : «Илья, Илья, ча адарик! ча сегер!»^[6]

⁶ Поди сюда! Иди скорей! *(Перевод автора.)*

Палсо? Со туке требе?[⁷]

Голос с улицы : «Иди, барин приехал!»

Хохавеса![⁸]

Голос с улицы : «Верно приехал!»

Некогда, барышня, барин приехал. (*Кладет гитару и берет фуражку.*)

Огудалова . Какой барин?

Илья . Такой барин, ждем не дождемся: год ждали – вот какой барин! (*Уходит.*)

Явление пятое

Огудалова и Лариса .

Огудалова . Кто же бы это приехал? Должно быть, богатый и, вероятно, Лариса, холостой, коли цыгане так ему обрадовались. Видно, уж так у цыган и живет. Ах, Лариса, не прозевали ли мы жениха? Куда торопиться-то было?

Лариса . Ах, мама, мало, что ли, я страдала? Нет, довольно унижаться.

Огудалова . Экое страшное слово сказала: «унижаться»! Испугать, что ли, меня вздумала? Мы люди бедные, нам унижаться-то всю жизнь. Так уж лучше унижаться смолodu, чтоб потом пожить по-человечески.

Лариса . Нет, не могу; тяжело, невыносимо тяжело.

Огудалова . А легко-то ничего не добудешь, всю жизнь и останешься ничем.

Лариса . Опять притворяться, спать лгать!

Огудалова . И притворяйся, и лги! Счастье не пойдет за тобой, если сама от него бегаешь.

Входит Карандышев .

Явление шестое

Огудалова, Лариса и Карандышев .

Огудалова . Юлий Капитоныч, Лариса у нас в деревню собралась, вон и корзинку для грибов приготовила!

Лариса . Да, сделайте для меня эту милость, поедemте поскорей!

Карандышев . Я вас не понимаю; куда вы торопитесь, зачем?

Лариса . Мне так хочется бежать отсюда.

Карандышев (*запальчиво*) . От кого бежать? Кто вас гонит? Или вы стыдитесь за меня, что ли?

Лариса (*холодно*) . Нет, я за вас не стыжусь. Не знаю, что дальше будет, а пока вы мне еще повода не подали.

Карандышев . Так зачем бежать, зачем скрываться от людей! Дайте мне время устроиться, опомниться, притти в себя! Я рад, я счастлив... дайте мне возможность

⁷ Зачем? Что тебе? (*Перевод автора.*)

⁸ Обманываешь! (*Перевод автора.*)

почувствовать всю приятность моего положения!

Огудалова . Повеличаться.

Карандышев . Да, повеличаться, я не скрываю. Я много, очень много перенес уколов для своего самолюбия, моя гордость не раз была оскорблена; теперь я хочу и вправе погордиться и повеличаться.

Лариса . Вы когда же думаете ехать в деревню?

Карандышев . После свадьбы, когда вам угодно, хоть на другой день. Только венчаться – непременно здесь; чтоб не сказали, что мы прячемся, потому что я не жених вам, не пара, а только та соломинка, за которую хватается утопающий.

Лариса . Да ведь последнее-то почти так, Юлий Капитоныч, вот это правда.

Карандышев (*с сердцем*) . Так правду эту вы и знайте про себя! (*Сквозь слезы.*) – Пожалейте вы меня хоть сколько-нибудь! Пусть хоть посторонние-то думают, что вы любите меня, что выбор ваш был свободен.

Лариса . Зачем это?

Карандышев . Как зачем? Разве вы уж совсем не допускаете в человеке самолюбия?

Лариса . Самолюбие! Вы только о себе. Все себя любят! Когда же меня-то будет любить кто-нибудь? Доведете вы меня до гибели.

Огудалова . Полно, Лариса, что ты?

Лариса . Мама, я боюсь, я чего-то боюсь. Ну, послушайте: если уж свадьба будет здесь, так, пожалуйста, чтобы поменьше было народу, чтобы как можно тише, скромнее!

Огудалова . Нет, ты не фантазируй! Свадьба – так свадьба; я Огудалова, я нищенства не допущу. Ты у меня заблестишь так, что здесь и не видывали.

Карандышев . Да и я ничего не пожалею.

Лариса . Ну, я молчу. Я вижу, что я для вас кукла; поиграете вы мной, изломаете и бросите.

Карандышев . Вот и обед сегодня для меня обойдется недешево.

Огудалова . А этот обед ваш я считаю уж совсем лишним – напрасная трата.

Карандышев . Да если б он стоил мне вдвое, втрое, я б не пожалел денег.

Огудалова . Никому он не нужен.

Карандышев . Мне нужен.

Лариса . Да зачем, Юлий Капитоныч?

Карандышев . Лариса Дмитриевна, три года я терпел унижения, три года я сносил насмешки прямо в лицо от ваших знакомых; надо же и мне, в свою очередь, посмеяться над ними.

Огудалова . Что вы еще придумываете! Ссору, что ли, затеять хотите? Так мы с Ларисой и не поедem.

Лариса . Ах, пожалуйста, не обижайте никого!

Карандышев . Не обижайте! А меня обижать можно? Да успокойтесь, никакой ссоры не будет, все будет очень мирно. Я предложу за вас тост и поблагодарю вас публично за счастье, которое вы делаете мне своим выбором, то, что вы отнеслись ко мне не так, как другие, что вы оценили меня и поверили в искренность моих чувств. Вот все, вот и вся моя месть!

Огудалова . И все это совсем не нужно.

Карандышев . Нет, уж эти фаты одолели меня своим фанфаронством. Ведь не сами они нажили богатство; что ж они им хвастаются! По пятнадцати рублей за порцию чаю бросать!

Огудалова . Все это вы на бедного Васю нападаете.

Карандышев . Да не один Вася, все хороши. Вон смотрите, что в городе делается, какая радость на лицах! Извозчики все повеселели, скачут по улицам, кричат друг другу. «Барин приехал, барин приехал». Половые в трактирах тоже сияют, выбегают на улицу, из трактира в трактир перекликаются: «Барин приехал, барин приехал». Цыгане ума сошли, все вдруг галдят, машут руками. У гостиницы съезд, толпа народу. Сейчас к гостинице

четыре цыганки разряженные в коляске подъехали, поздравить с приездом. Чудо, что за картина! А барин-то, я слышал, промотался совсем, последний пароходишко продал. Кто приехал? Промотавшийся кутила, развратный человек, и весь город рад. Хороши нравы!

Огудалова . Да кто приехал-то?

Карандышев . Ваш Сергей Сергеич Паратов.

Лариса в испуге встает.

Огудалова . А, так вот кто!

Лариса . Поедемте в деревню, сейчас поедемте!

Карандышев . Теперь-то и не нужно ехать.

Огудалова . Что ты, Лариса, зачем от него прятаться! Он не разбойник.

Лариса . Что вы меня не слушаете! Топите вы меня, толкаете в пропасть!

Огудалова . Ты сумасшедшая.

Карандышев . Чего вы боитесь?

Лариса . Я не за себя боюсь.

Карандышев . За кого же?

Лариса . За вас.

Карандышев . О, за меня не бойтесь! Я в обиду не дамся. Попробуй он только задеть меня, так увидит.

Огудалова . Нет, что вы! Сохрани вас бог! Это ведь не Вася. Вы поосторожнее с ним, а то жизни не рады будете.

Карандышев *(у окна)* . Вот, изволите видеть, к вам подъехал; четыре иноходца в ряд и цыган на козлах с кучером. Какую пыль в глаза пускает! Оно, конечно, никому вреда нет, пусть тешится; а в сущности-то и гнусно, и глупо.

Лариса *(Карандышеву)* . Пойдемте, пойдемте ко мне в комнату. Мама, прими сюда, пожалуйста, отделайся от его визитов!

Лариса и Карандышев уходят. Входит Паратов .

Явление седьмое

Огудалова и Паратов .

Паратов *(всю сцену ведет в шутиливо-серьезном тоне)* . Тетенька, ручку!

Огудалова *(протирая руки)* . Ах, Сергей Сергеич! Ах, родной мой!

Паратов . В объятия желаете заключить? Можно. *(Обнимаются и целуются.)*

Огудалова . Каким ветром занесло? Проездом, вероятно?

Паратов . Нарочно сюда, и первый визит к вам, тетенька.

Огудалова . Благодарю. Как поживаете, как дела ваши?

Паратов . Гневить бога нечего, тетенька, живу весело, а дела не важны.

Огудалова *(поглядев на Паратова)* . Сергей Сергеич, скажите, мой родной, что это вы тогда так вдруг исчезли?

Паратов . Неприятную телеграмму получил, тетенька.

Огудалова . Какую?

Паратов . Управители мои и управляющие свели без меня домок мой в ореховую скорлупку-с. Своими операциями довели было до аукционной продажи мои пароходики и все движимое и недвижимое имение. Так я полетел тогда спасать свои животишки-с.

Огудалова . И, разумеется, все спасли и все устроили.

Паратов . Никак нет-с; устроил, да не совсем, брешь порядочная осталась. Впрочем, тетенька, духу не теряю и веселого расположения не утратил.

Огудалова . Вижу, что не утратил.

Паратов . На одном потеряем, на другом выиграем, тетенька; вот наше дело какое.

Огудалова . На чем же вы выиграть хотите? Новые обороты завели?

Паратов . Не нам, легкомысленным джентльменам, новые обороты заводить! За это в долговое отделение, тетенька. Хочу продать свою волюшку.

Огудалова . Понимаю: выгодно жениться хотите. А во сколько вы цените свою волюшку?

Паратов . В полмиллиона-с.

Огудалова . Порядочно.

Паратов . Дешевле, тетенька, нельзя-с, расчету нет, себе дороже, сами знаете.

Огудалова . Молодец мужчина.

Паратов . С тем возьмите.

Огудалова . Экой сокол! Глядеть на тебя да радоваться.

Паратов . Очень лестно слышать от вас. Ручку пожарите! *(Целует руку.)*

Огудалова . А покупатели, то есть покупательницы-то, есть?

Паратов . Поискать, так найдутся.

Огудалова . Извините за нескромный вопрос!

Паратов . Коли очень нескромный, так не спрашивайте: я стыдлив.

Огудалова . Да полно тебе шутить-то! Есть невеста или нет? Коли есть, так кто она?

Паратов . Хоть зарежьте, не скажу.

Огудалова . Ну, как знаешь.

Паратов . Я бы желал засвидетельствовать свое почтение Ларисе Дмитриевне. Могу я ее видеть?

Огудалова . Отчего же. Я ее сейчас пришлю к вам. *(Берет футляр с вещами.)* Да вот, Сергей Сергеич, завтра Ларисы рождение, хотелось бы подарить ей эти вещи, да денег много нехватает.

Паратов . Тетенька, тетенька! ведь уж человек с трех взяла! Я тактику-то вашу помню.

Огудалова *(берет Паратова за ухо)* . Ах ты, проказник!

Паратов . Я завтра сам привезу подарок, получше этого.

Огудалова . Я позову к вам Ларису. *(Уходит.)*

Входит Лариса .

Явление восьмое

Паратов и Лариса .

Паратов . Не ожидали?

Лариса . Нет, теперь не ожидала. Я ждала вас долго, но уж давно перестала ждать.

Паратов . Отчего же перестали ждать?

Лариса . Не надеялась дожждаться. Вы скрылись так неожиданно, и ни одного письма...

Паратов . Я не писал потому, что не мог сообщить вам ничего приятного.

Лариса . Я так и думала.

Паратов . И замуж выходите?

Лариса . Да, замуж.

Паратов . А позвольте вас спросить: долго вы меня ждали?

Лариса . Зачем вам знать это?

Паратов . Мне не для любопытства, Лариса Дмитриевна; меня интересуют чисто теоретические соображения. Мне хочется знать, скоро ли женщина забывает страстно любимого человека: на другой день после разлуки с ним, через неделю или через месяц... имел ли право Гамлет сказать матери, что она «башмаков еще не износила» и так далее.

Лариса . На ваш вопрос я вам не отвечу, Сергей Сергеич; можете думать обо мне, что вам угодно.

Паратов . Об вас я всегда буду думать с уважением; но женщины вообще, после вашего поступка, много теряют в глазах моих.

Лариса . Да какой мой поступок? Вы ничего не знаете,

Паратов . Эти «кроткие, нежные взгляды», этот сладкий любовный шопот, – когда каждое слово чередуется с глубоким вздохом, – эти клятвы... И все это через месяц повторяется другому, как выученный урок. О, женщины!

Лариса . Что «женщины»?

Паратов . Ничтожество вам имя!

Лариса . Ах, как вы смеее так обижать меня? Разве вы знаете, что я после вас полюбила кого-нибудь? Вы уверены в этом?

Паратов . Я не уверен, но полагаю.

Лариса . Чтобы так жестоко упрекать, надо знать, а не полагать.

Паратов . Вы выходите замуж?

Лариса . Но что меня заставило... Если дома жить нельзя, если во время страшной, смертельной тоски заставляют любезничать, улыбаться, навязывают женихов, на которых без отвращения нельзя смотреть, если в доме, скандалы, если надо бежать и из дому и даже из городу?

Паратов . Лариса, так вы?..

Лариса . Что «я»? Ну, что вы хотели сказать?

Паратов . Извините! Я виноват перед вами. Так вы не забыли меня, вы еще... меня любите?

Лариса молчит.

Ну, скажите, будьте откровенны!

Лариса . Конечно, да. Нечего и спрашивать.

Паратов (*нежно целует руку Ларисы*) . Благодарю вас, благодарю.

Лариса . Вам только и нужно было: вы – человек гордый.

Паратов . Уступить вас я могу, я должен по обстоятельствам; но любовь вашу уступить было бы тяжело.

Лариса . Неужели?

Паратов . Если бы вы предпочли мне кого-нибудь, вы оскорбили бы меня глубоко, и я нелегко бы простил вам это.

Лариса . А теперь?

Паратов . А теперь я во всю жизнь сохраню самое приятное воспоминание о вас, и мы расстанемся, как лучшие друзья.

Лариса . Значит, пусть женщина плачет, страдает, только бы любила вас?

Паратов . Что делать, Лариса Дмитриевна! В любви равенства нет, это уж не мной заведено. В любви приходится иногда и плакать.

Лариса . И непременно женщине?

Паратов . Уж, разумеется, не мужчине.

Лариса . Да почему?

Паратов . Очень просто; потому что если мужчина заплачет, так его бабой назовут; а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобрести ум человеческий.

Лариса . Кабы любовь-то была равная с обеих сторон, так слез-то бы не было. Бывает это когда-нибудь?

Паратов . Изредка случается. Только уж это какое-то кондитерское пирожное выходит, какое-то безэ.

Лариса . Сергей Сергеич, я сказала вам то, чего не должна была говорить; я надеюсь, что вы не употребите во зло моей откровенности.

Паратов . Помилуйте, за кого же вы меня принимаете! Если женщина свободна, ну, тогда другой разговор... Я, Лариса Дмитриевна, человек с правилами, брак для меня дело

священное. Я этого вольнодумства терпеть не могу. Позвольте узнать: ваш будущий супруг, конечно, обладает многими достоинствами?

Лариса . Нет, одним только.

Паратов . Немного.

Лариса . Зато дорогим.

Паратов . А именно?

Лариса . Он любит меня.

Паратов . Действительно дорогим; это для, домашнего обихода очень хорошо.

Входят Огудалова и Карандышев .

Явление девятое

Паратов , Лариса , Огудалова , Карандышев , потом лакей .

Огудалова . Позвольте вас познакомить, господа! (*Паратову.*) Юлий Капитоныч Карандышев. (*Карандышеву.*) Сергей Сергеич Паратов.

Паратов (*подавая руку Карандышеву*) . Мы уже знакомы. (*Кланяясь.*) Человек с большими усами и малыми способностями. Прошу любить и жаловать. Старый друг Хариты Игнатьевны и Ларисы Дмитриевны.

Карандышев (*сдержанно*) . Очень приятно.

Огудалова . Сергей Сергеич у нас в доме как родной.

Карандышев . Очень приятно.

Паратов (*Карандышеву*) . Вы не ревнивы?

Карандышев . Я надеюсь, что Лариса Дмитриевна не подаст мне никакого повода быть ревнивым.

Паратов . Да ведь ревнивые люди ревнуют без всякого повода.

Лариса . Я ручаюсь, что Юлий Капитоныч меня ревновать не будет.

Карандышев . Да, конечно; но если бы...

Паратов . О да, да. Вероятно, это было бы что-нибудь очень ужасное.

Огудалова . Что вы, господа, затеяли! Разве нет других разговоров, кроме ревности!

Лариса . Мы, Сергей Сергеич, скоро едем в деревню.

Паратов . От прекрасных здешних мест?

Карандышев . Что же вы находите здесь прекрасного?

Паратов . Ведь это как кому; на вкус, на цвет образца нет.

Огудалова . Правда, правда. Кому город нравится, а кому деревня.

Паратов . Тетенька, у всякого свой вкус: один любит арбуз, другой свиной хрящик.

Огудалова . Ах, проказник! Откуда вы столько пословиц знаете?

Паратов . С бурлаками водился, тетенька, так русскому языку выучишься.

Карандышев . У бурлаков учиться русскому языку?

Паратов . А почему ж у них не учиться?

Карандышев . Да потому, что мы считаем их...

Паратов . Кто это: мы?

Карандышев (*разгорячась*) . Мы, то есть образованные люди, а не бурлаки.

Паратов . Ну-с, чем же вы считаете бурлаков? Я судовладелец и вступаюсь за них; я сам такой же бурлак.

Карандышев . Мы считаем их образцом грубости и невежества.

Паратов . Ну, далее, господин Карандышев!

Карандышев . Все, больше ничего.

Паратов . Нет, не все, главного недостает: вам нужно просить извинения.

Карандышев . Мне – извиняться!

Паратов . Да, уж нечего делать, надо.

Карандышев . Да с какой стати? Это мое убеждение.

Паратов . Но-но-но-но! Отвильять нельзя.

Огудалова . Господа, господа, что вы!

Паратов . Не беспокойтесь, я за это на дуэль не вызову: ваш жених цел останется; я только поучу его. У меня правило: никому ничего не прощать; а то страх забудут, забываться станут.

Лариса (*Карандышеву*) . Что вы делаете? Просите извинения сейчас, я вам приказываю.

Паратов (*Огудаловой*) . Кажется, пора меня знать. Если я кого хочу поучить, так на неделю дома запираюсь да казнь придумываю.

Карандышев (*Паратову*) . Я не понимаю.

Паратов . Так выучитесь прежде понимать, да потом и разговаривайте!

Огудалова . Сергей Сергеич, я на колени брошусь перед вами; ну, ради меня, извините его!

Паратов (*Карандышеву*) . Благодарите Хариту Игнатьевну. Я вас прощаю. Только, мой родной, разбирайте людей! Я еду-еду, не свищу, а наеду – не спущу.

Карандышев хочет отвечать.

Огудалова . Не возражайте, не возражайте! А то я с вами поссорюсь. Лариса! Вели шампанского подать да налей им по стаканчику – пусть выпьют мировую.

Лариса уходит.

И уж, господа, пожалуйста, не ссорьтесь больше. Я женщина мирного характера; я люблю, чтоб все дружно было, согласно.

Паратов . Я сам мирного характера, курицы не обижу, я никогда первый не начну; за себя я вам ручаюсь...

Огудалова . Юлий Капитоныч, вы – еще молодой человек, вам надо быть поскромнее, горячиться не следует. Извольте-ка вот пригласить Сергея Сергеича на обед, извольте непременно! Нам очень приятно быть с ним вместе.

Карандышев . Я и сам хотел. Сергей Сергеич, угодно вам откушать у меня сегодня?

Паратов (*холодно*) . С удовольствием.

Входит Лариса , за ней человек с бутылкой шампанского в руках и стаканами на подносе.

Лариса (*наливает*) . Господа, прошу покорно.

Паратов и Карандышев берут стаканы.

Прошу вас быть друзьями.

Паратов . Ваша просьба для меня равняется приказу.

Огудалова (*Карандышеву*) . Вот и вы берите пример с Сергея Сергеича!

Карандышев . Про меня нечего и говорить: для меня каждое слово Ларисы Дмитриевны – закон.

Входит Вожеватов .

Явление десятое

Огудалова , Лариса , Паратов , Карандышев , Вожеватов , потом Робинзон .

Вожеватов . Где шампанское, там и мы. Каково чутье! Харита Игнатьевна, Лариса Дмитриевна, позвольте белокурому в комнату войти!

Огудалова . Какому белокурому?

Вожеватов . Сейчас увидите. Войди, белокур!

Робинзон входит.

Честь имею представить вам нового друга моего: лорд Робинзон.

Огудалова . Очень приятно.

Вожеватов (*Робинзону*) . Целуй ручки!

Робинзон целует руки у Огудаловой и Ларисы.

Ну, милорд, теперь поди сюда!

Огудалова . Что это вы как командуете вашим другом?

Вожеватов . Он почти не бывал в дамском обществе, так застенчив. Все больше путешествовал, и по воде, и по суше, а вот недавно совсем было одичал на необитаемом острове. (*Карандышеву.*) Позвольте вас познакомить! Лорд Робинзон, Юлий Капитоныч Карандышев!

Карандышев (*подавая руку Робинзону*) . Вы уж давно выехали из Англии?

Робинзон . Yes. (*Йес*) [⁹].

Вожеватов (*Паратову*) . Я его слова три по-английски выучил да, признаться, и сам-то не много больше знаю. (*Робинзону.*) Что ты на вино-то поглядываешь? Харита Игнатьевна, можно?

Огудалова . Сделайте одолжение.

Вожеватов . Англичане ведь целый день пьют вино, с утра.

Огудалова . Неужели вы целый день пьете?

Робинзон . Yes.

Вожеватов . Они три раза завтракают да потом обедают с шести часов до двенадцати.

Огудалова . Возможно ли?

Робинзон . Yes.

Вожеватов (*Робинзону*) . Ну, наливай!

Робинзон (*налив стаканы*) . If you please (*Иф ю плиз*) ! [¹⁰] (*Пьют.*)

Паратов (*Карандышеву*) . Пригласите и его обедать! Мы с ним везде вместе, я без него не могу.

Карандышев . Как его зовут?

Паратов . Да кто ж их по имени зовет! Лорд, милорд...

Карандышев . Разве он лорд?

Паратов . Конечно, не лорд; да они так любят. А то просто: сэр Робинзон.

Карандышев (*Робинзону*) . Сэр Робинзон, прошу покорно сегодня откусать у меня.

Робинзон . I thank you (*Ай сенк ю*) [¹¹].

Карандышев (*Огудаловой*) . Харита Игнатьевна, я отправлюсь домой, мне нужно похлопотать кой о чем. (*Кланяясь всем.*) Я вас жду, господа. Честь имею кланяться! (*Уходит.*)

⁹ Да.

¹⁰ Пожалуйста!

¹¹ Благодарю вас.

Паратов (*берет шляпу*) . Да и нам пора, надо отдохнуть с дороги.

Вожеватов . К обеду приготовиться.

Огудалова . Погодите, господа, не все вдруг.

Огудалова и Лариса уходят за Карандышевым в переднюю.

Явление одиннадцатое

Паратов , Вожеватов и Робинзон .

Вожеватов . Понравился вам жених?

Паратов . Чему тут нравиться! Кому он может нравиться! А еще разговаривает, гусь лапчатый.

Вожеватов . Разве было что?

Паратов . Был разговор небольшой. Топорщился тоже, как и человек, петушиться тоже вздумал. Да погоди, дружок, я над тобой, дружок, потешусь. (*Ударив себя по лбу.*) Ах, какая мысль блестящая! Ну, Робинзон, тебе предстоит работа трудная, старайся...

Вожеватов . Что такое?

Паратов . А вот что... (*Прислушиваясь.*) Идут. После скажу, господа.

Входят Огудалова и Лариса .

Честь имею кланяться.

Вожеватов . До свидания! (*Раскланиваются.*)

Действие третье

Лица

Евфросинья Потаповна , тетка Карандышева.

Карандышев .

Огудалова .

Лариса .

Паратов .

Кнуров .

Вожеватов .

Робинзон .

Иван .

Илья-цыган .

Кабинет Карандышева; комната, меблированная с претензиями, но без вкуса; на одной стене прибит над диваном ковер, на котором развешано оружие; три двери: одна в середине, две по бокам.

Явление первое

Евфросинья Потаповна и Иван (выходит из двери налево)

Иван . Лимонов пожалуйста!

Евфросинья Потаповна . Каких лимонов, аспид?

Иван . Мессинских-с.

Евфросинья Потаповна . На что они тебе понадобились?

Иван . После обеда которые господа кофей кушают, а которые чай, так к чаю требуется.

Евфросинья Потаповна . Вымотали вы из меня всю душеньку нынче. Подай клюквенного морсу, разве не все равно. Возьми там у меня графинчик; ты поосторожнее, графинчик-то старенький, пробочка и так еле держится, сургучиком подклеена. Пойдем, я сама выдам. (*Уходит в среднюю дверь, Иван за ней.*)

Входят Огудалова и Лариса слева.

Явление второе

Огудалова и Лариса .

Лариса . Ах, мама, я не знала, куда деться.

Огудалова . Я так и ожидала от него.

Лариса . Что за обед, что за обед! А еще зовет Мокия Парменыча! Что он делает?

Огудалова . Да, угостил, нечего сказать.

Лариса . Ах, как нехорошо! Нет хуже этого стыда, когда приходится за других стыдиться. Вот мы ни в чем не виноваты, а стыдно, стыдно, так бы убежала куда-нибудь. А он как будто не замечает ничего, он даже весел.

Огудалова . Да ему и заметить нельзя: он ничего не знает, он никогда и не видывал, как порядочные люди обедают. Он еще думает, что удивил всех своей роскошью, вот он и весел. Да разве ты не замечаешь? Его нарочно подпаивают.

Лариса . Ах, ах! Останови его, останови его!

Огудалова . Как остановить! Он – не малолетний, пора без няньки жить.

Лариса . Да ведь он не глуп, как же он не видит этого!

Огудалова . Не глуп, да самолюбив. Над ним подтрунивают, вина похваляют, он и рад; сами-то только вид делают, что пьют, а ему подливают.

Лариса . Ах! Я боюсь, всего боюсь. Зачем они это делают?

Огудалова . Да так просто, позабавиться хотят.

Лариса . Да ведь они меня терзают-то?

Огудалова . А кому нужно, что ты терзаешься. Вот, Лариса, еще ничего не видя, а уж терзание; что дальше-то будет?

Лариса . Ах, дело сделано; можно только жалеть, а исправить нельзя.

Входит Евфросинья Потаповна .

Явление третье

Огудалова , Лариса и Евфросинья Потаповна .

Евфросинья Потаповна . Уж откушали? А чаю не угодно?

Огудалова . Нет, увольте.

Евфросинья Потаповна . А мужчины-то что?

Огудалова . Они там сидят, разговаривают.

Евфросинья Потаповна . Ну, покушали и вставали бы; чего еще дожидаются? Уж достался мне этот обед; что хлопот, что изъяну! Поваришки разбойники, в кухню-то точно какой победитель придет, слова ему сказать не смей!

Огудалова . Да об чем с ним разговаривать? Коли он хороший повар, так учить его не надо.

Евфросинья Потаповна . Да не об ученье речь, а много очень добра изводят. Кабы

свой материал, домашний, деревенский, так я бы слова не сказала; а то купленный, дорогой, так его и жалко. Помилуйте, требует сахару, ванилю, рыбьего клею; а ваниль этот дорогой, а рыбий клей еще дороже. Ну и положил бы чуточку для духу, а он валит зря; сердце-то и мрет, на него глядя.

Огудалова . Да, для расчетливых людей, конечно...

Евфросинья Потаповна . Какие тут расчеты, коли человек с ума сошел. Возьмем стерлядь: разве вкус-то в ней не один, что большая, что маленькая? А в цене-то разница, ох, велика! Полтинничек десятков и за глаза бы, а он по полтиннику штуку платил.

Огудалова . Ну, этим, что были за обедом, еще погулять по Волге да подрасти бы не мешало.

Евфросинья Потаповна . Ах, да ведь, пожалуй, есть и в рубль, и в два; плати, у кого деньги бешеные. Кабы для начальника какого высокого али для владыки, ну, уж это так и полагается, а то для кого! Опять вино хотел было дорогое покупать в рубль и больше, да купец честный человек попался; берите, говорит, кругом по шести гривен за бутылку, а ерлыки наклеим какие прикажете! Уж и вино отпустил! Можно сказать, что на чести. Попробовала я рюмочку, так и гвоздикой-то пахнет, и розаном пахнет, и еще чем-то. Как ему быть дешевым, когда в него столько дорогих духов кладется! И деньги немалые: шесть гривен за бутылку; а уж и стоит дать. А дороже платить не из чего, жалованьем живем. Вот у нас сосед женился, так к нему этого одного пуху: перин да подушек, возили-возили, возили-возили, да все чистого; потом пушного: лисица, и куница, и соболь! Все это в дом, так есть из чего ему тратиться. А вот рядом чиновник женился, так всего приданого привезли фортепьяны старые. Не разживешься. Все равно и нам форсить некстати.

Лариса (Огудаловой) . Бежала б я отсюда, куда глаза глядят.

Огудалова . Невозможно, к несчастью.

Евфросинья Потаповна . Да коли вам что не по себе, так пожалуйста ко мне в комнату; а то придут мужчины, накурят так, что не продохнешь. Что я стою-то! Бежать мне серебро сосчитать да запереть, нынче народ без креста.

Огудалова и Лариса уходят в дверь направо, Евфросинья Потаповна – в среднюю. Из двери налево выходят Паратов, Кнуров, Вожеватов.

Явление четвертое

Паратов, Кнуров и Вожеватов.

Кнуров . Я, господа, в клуб обедать поеду, я не ел ничего.

Паратов . Подождите, Мокий Парменыч!

Кнуров . Со мной в первый раз в жизни такой случай. Приглашают обедать известных людей, а есть нечего... Он человек глупый, господа.

Паратов . Мы не спорим. Надо ему отдать справедливость: он действительно глуп.

Кнуров . И сам прежде всех напился.

Вожеватов . Мы его порядочно подстроили.

Паратов . Да, я свою мысль привел в исполнение. Мне еще давеча в голову пришло: накатить его хорошенько и посмотреть, что выйдет.

Кнуров . Так у вас было это задумано?

Паратов . Мы прежде условились. Вот, господа, для таких случаев Робинзоны-то и дороги.

Вожеватов . Золото, а не человек.

Паратов . Чтобы напоить хозяина, надо самому пить с ним вместе; а есть ли возможность глотать эту микстуру, которую он вином величает. А Робинзон – натура выдержанная на заграничных винах ярославского производства, ему нипочем. Он пьет да похваливает, пробует то одно, то другое, сравнивает, смакует с видом знатока, но без

хозяина пить не соглашается; тот и попался. Человек непривычный, много ль ему надо, скорехонько и дошел до восторга.

Кнуров . Это забавно; только мне, господа, не шутя есть хочется.

Паратов . Еще успеете. Погодите немного, мы попросим Ларису Дмитриевну спеть что-нибудь.

Кнуров . Это другое дело. А где ж Робинзон?

Вожеватов . Они там еще допивают.

Входит Робинзон .

Явление пятое

Паратов , Кнуров , Вожеватов и Робинзон .

Робинзон (*падая на диван*) . Батюшки, помогите! Ну, Серж, будешь ты за меня богу отвечать!

Паратов . Что ж ты, пьян, что ли?

Робинзон . Пьян! Рааве я на это жалуясь когда-нибудь? Кабы пьян, это бы прелесть что такое-лучше бы и желать ничего нельзя. Я с этим добрым намерением ехал сюда, да с этим добрым намерением и на свете живу. Это цель моей жизни.

Паратов . Что ж с тобой?

Робинзон . Я отравлен, я сейчас караул закричу.

Паратов . Да ты что пил-то больше, какое вино?

Робинзон . Кто ж его знает? Химик я, что ли! Ни один аптекарь не разберет.

Паратов . Да что на бутылке-то, какой этикет?

Робинзон . На бутылке-то «бургонское», а в бутылке-то «киндар-бальзам» какой-то. Не пройдет мне даром эта специя, уж я чувствую.

Вожеватов . Это случается: как делают вино, так переложат лишнее что-нибудь против пропорции. Ошибиться долго ли? человек – не машина. Мухоморов не переложили ли?

Робинзон . Что тебе весело! Человек погибает, а ты рад.

Вожеватов . Шабаш! Помирать тебе, Робинзон.

Робинзон . Ну, это вздор, помирать я не согласен... Ах! хоть бы знать, какое увечье-то от этого вина бывает.

Вожеватов . Один глаз лопнет непременно, ты так и жди.

За сценой голос Карандышева : «Эй, дайте нам бургонского!»

Робинзон . Ну, вот, извольте слышать, опять бургонского! Спасите, погибаю! Серж, пожалей хоть ты меня. Ведь я в цвете лет, господа, я подаю большие надежды. За что ж искусство должно лишиться...

Паратов . Да не плачь, я тебя вылечу; я знаю, чем помочь тебе; как рукой снимет.

Входит Карандышев с ящичком сигар.

Явление шестое

Паратов , Кнуров , Вожеватов , Робинзон и Карандышев .

Робинзон (*взглянув на ковер*) . Что это у вас такое?

Карандышев . Сигары.

Робинзон . Нет, что развешано-то? Бутафорские вещи?

Карандышев . Какие бутафорские вещи! Это турецкое оружие.

Паратов . Так вот кто виноват, что австрийцы турок одолеть не могут.

Карандышев . Как? Что за шутки! Помилуйте, что это за вздор! Чем я виноват?

Паратов . Вы забрали у них все дрянное, негодное оружие; вот они с горя хорошим английским! и запаслись.

Вожеватов . Да, да, вот кто виноват! теперь нашлось. Ну, вам австрийцы спасибо не скажут.

Карандышев . Да чем оно негодное? Вот этот пистолет, например. *(Снимает со стены пистолет.)*

Паратов *(берет у него пистолет)* . Этот пистолет?

Карандышев . Ах, осторожнее, он заряжен.

Паратов . Не бойтесь! Заряжен ли он, не заряжен ли, опасность от него одинакова: он все равно не выстрелит. Стреляйте в меня в пяти шагах, я позволяю.

Карандышев . Ну, нет-с, и этот пистолет пригодиться может.

Паратов . Да, в стену гвозди вколачивать. *(Бросает пистолет на стол.)*

Вожеватов . Ну, нет, не скажите! По русской пословице: «На грех и из палки выстрелишь».

Карандышев *(Паратову)* . Не угодно ли сигар?

Паратов . Да ведь, чай, дорогие? Рублей семь сотня, я думаю.

Карандышев . Да-с, около того: сорт высокий, очень высокий сорт.

Паратов . Я этот сорт знаю: Регалия капустиссима dos amigos, я его держу для приятелей, а сам не курю.

Карандышев *(Кнурову)* . Не прикажете ли?

Кнуров . Не хочу я ваших сигар – свои курю.

Карандышев . Хорошенькие сигары, хорошенькие-с.

Кнуров . Ну, а хорошие, так и курите сами.

Карандышев *(Вожеватову)* . Вам не угодно ли?

Вожеватов . Для меня эти очень дороги; пожалуй, избалуешься. Не нашему носу рябину клевать: рябина – ягода нежная.

Карандышев . А вы, сэр Робинзон, курите?

Робинзон . Я-то? Станный вопрос! Пожалуйста пяточек! *(Выбирает пять штук, вынимает из кармана бумажку и тщательно завертывает.)*

Карандышев . Что же вы не закуриваете?

Робинзон . Нет, как можно! Эти сигары надо курить в природе, в хорошем местоположении.

Карандышев . Да почему же?

Робинзон . А потому, что если их закурить в порядочном доме, так, пожалуй, прибудут, чего я терпеть не могу.

Вожеватов . Не любишь, когда бьют?

Робинзон . Нет, с детства отвращение имею.

Карандышев . Какой он оригинал! А, господа, каков оригинал! Сейчас видно, что англичанин. *(Громко.)* А где наши дамы? *(Еще громче.)* Где дамы?

Входит Огудалова .

Явление седьмое

Паратов , Кнуров , Вожеватов , Робинзон , Карандышев и Огудалова .

Огудалова . Дамы здесь, не беспокойтесь. *(Карандышеву тихо.)* Что вы делаете? Посмотрите вы на себя!

Карандышев . Я, помилуйте, я себя знаю. Посмотрите: все пьяны, а я только весел. Я счастлив сегодня, я торжествую.

Огудалова . Торжествуйте, только не так громко! (*Подходит к Паратову.*) Сергей Сергеич, перестаньте издеваться над Юлием Капитоном! Нам больно видеть: вы обижаете меня и Ларису.

Паратов . Ах, тетенька, смею ли я!

Огудалова . Неужели вы еще не забыли давешнюю ссору? Как не стыдно!

Паратов . Что вы! Я, тетенька, не злопамятен. Да извольте, я для вашего удовольствия все это покончу одним разом. Юлий Капитон!

Карандышев . Что вам угодно?

Паратов . Хотите брудершафт со мной выпить?

Огудалова . Вот это хорошо. Благодарю вас!

Карандышев . Брудершафт, вы говорите? Извольте, с удовольствием.

Паратов (*Огудаловой*) . Да попросите сюда Ларису Дмитриевну! Что она прячется от нас!

Огудалова . Хорошо, я приведу ее. (*Уходит.*)

Карандышев . Что же мы выпьем? Бургонского?

Паратов . Нет, уж от бургонского увольте! Я человек простой.

Карандышев . Так чего же?

Паратов . Знаете что: любопытно теперь нам с вами коньячку выпить. Коньяк есть?

Карандышев . Как не быть! У меня все есть. Эй, Иван, коньяку!

Паратов . Зачем сюда, мы там выпьем; только велите стаканчиков дать, я рюмок не признаю.

Робинзон . Что ж вы прежде не сказали, что у вас коньяк есть? Сколько дорогого времени-то потеряно!

Вожеватов . Как он ожил!

Робинзон . С этим напитком я обращаться умею, я к нему применился.

Паратов и Карандышев уходят в дверь налево.

Явление восьмое

Кнуров , Вожеватов и Робинзон .

Робинзон (*глядит в дверь налево*) . Погиб Карандышев. Я начал, а Серж его докончит. Наливают, устанавливаются в позу; живая картина. Посмотрите, какая у Сержа улыбка! Совсем Бертрам. (*Поет из «Роберта».*) «Ты мой спаситель. – Я твой спаситель! – И покровитель. – И покровитель». Ну, проглотил. Целуются. (*Поет.*) «Как счастлив я! – Жертва моя!» Ай, уносит Иван коньяк, уносит! (*Громко.*) Что ты, что ты, оставь! Я его давно дожидаясь. (*Убегает.*)

Из средней двери выходит Илья .

Явление девятое

Кнуров , Вожеватов , Илья , потом Паратов .

Вожеватов . Что тебе, Илья?

Илья . Да наши готовы, собрались совсем, на бульваре дожидаются. Когда ехать прикажете?

Вожеватов . Сейчас все вместе поедem, подождите немного!

Илья . Хорошо. Как прикажете, так и будет.

Входит Паратов .

Паратов . А, Илья, готовы?

Илья . Готовы, Сергей Сергеич.

Паратов . Гитара с тобой?

Илья . Не захватил, Сергей Сергеич.

Паратов . Гитару нужно, слышишь?

Илья . Сейчас сбегая, Сергей Сергеич! (*Уходит.*)

Паратов . Я хочу попросить Ларису Дмитриевну спеть нам что-нибудь, да и поедемте за Волгу.

Кнуров . Не весела наша прогулка будет без Ларисы Дмитриевны. Вот если бы... Дорого можно заплатить за такое удовольствие.

Вожеватов . Если бы Лариса Дмитриевна поехала, я бы, с радости, всех гребцов по рублю серебром оделил.

Паратов . Представьте, господа, я и сам о том же думаю; вот как мы сошлись.

Кнуров . Да есть ли возможность?

Паратов . На свете нет ничего невозможного, говорят философы.

Кнуров . А Робинзон, господа, лишний. Потешились, и будет. Напьется он там до звериного образа – что хорошего! Эта прогулка дело серьезное, он нам совсем не компания. (*Указывая в дверь.*) Вон он как к коньяку-то прильнул.

Вожеватов . Так не брать его.

Паратов . Увяжется как-нибудь!

Вожеватов . Погодите, господа, я от него отделаюсь. (*В дверь.*) Робинзон!

Входит Робинзон .

Явление десятое

Паратов , Кнуров , Вожеватов и Робинзон .

Робинзон . Что тебе?

Вожеватов (*тихо*) . Хочешь ехать в Париж?

Робинзон . Как в Париж, когда?

Вожеватов . Сегодня вечером.

Робинзон . А мы за Волгу собирались.

Вожеватов . Как хочешь; поезжай за Волгу, а я в Париж.

Робинзон . Да ведь у меня паспорта нет.

Вожеватов . Это уж мое дело.

Робинзон . Я пожалуй.

Вожеватов . Так отсюда мы поедем вместе; я тебя завезу домой к себе; там и жди меня, отдохни, усни. Мне нужно заехать по делам места в два.

Робинзон . А интересно бы и цыган послушать.

Вожеватов . А еще артист! Стыдись! Цыганские песни – ведь это невежество. То ли дело итальянская опера или оперетка веселенькая! Вот что тебе надо слушать. Чай, сам играл.

Робинзон . Еще бы! я в «Птичках певчих» играл.

Вожеватов . Кого?

Робинзон . Нотариуса.

Вожеватов . Ну, как же такому артисту да в Париже не побывать. После Парижа тебе какая цена-то будет!

Робинзон . Руку!

Вожеватов . Едешь?

Робинзон . Еду.

Вожеватов (*Паратову*) . Как он тут пел из «Роберта»! Что за голос!

Паратов . А вот мы с ним в Нижнем на ярмарке дел наделаем.

Робинзон . Еще поеду ли я, спросить надо.

Паратов . Что так?

Робинзон . Невежества я и без ярмарки довольно вижу.

Паратов . Ого, как он поговаривать начал!

Робинзон . Нынче образованные люди в Европу ездят, а не по ярмаркам шатаются.

Паратов . Какие же государства и какие города Европы вы осчастливить хотите?

Робинзон . Конечно, Париж, я уж туда давно собираюсь.

Вожеватов . Мы с ним сегодня вечером едем.

Паратов . А, вот что! Счастливого пути! В Париж тебе действительно надо ехать. Там только тебя и недоставало. А где ж хозяин?

Робинзон . Он там, он говорил, что сюрприз нам готовит.

Входят справа Огудалова и Лариса , слева Карандышев и Иван .

Явление одиннадцатое

Огудалова , Лариса , Паратов , Кнуров , Вожеватов , Робинзон , Карандышев , Иван , потом Илья и Евфросинья Потаповна .

Паратов (*Ларисе*) . Что вы нас покинули?

Лариса . Мне что-то нездоровится.

Паратов . А мы сейчас с вашим женихом брудер шафт выпили. Теперь уж друзья навек.

Лариса . Благодарю вас. (*Жмет руку Паратову.*)

Карандышев (*Паратову*) . Серж!

Паратов (*Ларисе*) . Вот видите, какая короткость. (*Карандышеву.*) Что тебе?

Карандышев . Тебя кто-то спрашивает.

Паратов . Кто там?

Иван . Цыган Илья.

Паратов . Так зови его сюда.

Иван уходит.

Господа, извините, что я приглашаю Илью в наше общество. Это мой лучший друг. Где принимают меня, там должны принимать и моих друзей. Это мое правило.

Вожеватов (*Ларисе тихо*) . Я новую песенку знаю.

Лариса . Хорошая?

Вожеватов . Бесподобная! «Веревьюшки веревью, на барышне башмачки».

Лариса . Это забавно.

Вожеватов . Я вас выучу.

Входит Илья с гитарой.

Паратов (*Ларисе*) . Позвольте, Лариса Дмитриевна, попросить вас осчастливить нас! Спойте нам какой-нибудь романс или песенку! Я вас целый год не слыхал, да, вероятно, и не услышу уж более.

Кнуров . Позвольте и мне повторить ту же просьбу!

Карандышев . Нельзя, господа, нельзя, Лариса Дмитриевна не станет петь.

Паратов . Да почему ты знаешь, что не станет? А может быть, и станет.

Лариса . Извините, господа, я и не расположена сегодня, и не в голосе.

Кнуров . Что-нибудь, что вам угодно!

Карандышев . Уж коли я говорю, что не станет, так не станет.

Паратов . А вот посмотрим. Мы попросим хорошенько, на колени станем.

Вожеватов . Это я сейчас, я человек гибкий.

Карандышев . Нет, нет, и не просите, нельзя; я запрещаю.

Огудалова . Что вы! Запрещайте тогда, когда будете иметь право, а теперь еще погодите запрещать, рано.

Карандышев . Нет, нет! Я положительно запрещаю.

Лариса . Вы запрещаете? Так я буду петь, господа!

Карандышев, надувшись, отходит в угол и садится.

Паратов . Илья!

Илья . Что будем петь, барышня?

Лариса . «Не искушай».

Илья (*подстраивая гитару*) . Вот третий голос надо! Ах, беда! Какой тенор был! От своей от глупости. (*Поют в два голоса.*)

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей!
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней.

Все различным образом выражают восторг. Паратов сидит, запустив руки в волосы. Во втором куплете слегка пристает Робинзон.

Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не хочу предаться вновь
Раз обманувшим сновиденьям.

Илья (*Робинзону*) . Вот спасибо, барин. Выручил.

Кнуров (*Ларисе*) . Велико наслаждение видеть вас, а еще больше наслаждения слушать вас.

Паратов (*с мрачным видом*) . Мне кажется, я с ума сойду. (*Целует руку Ларисы.*)

Вожеватов . Послушать да и умереть – вот оно что! (*Карандышеву.*) А вы хотели лишить нас этого удовольствия.

Карандышев . Я, господа, не меньше вашего восхищаюсь пением Ларисы Дмитриевны. Мы сейчас выпьем шампанского за ее здоровье.

Вожеватов . Умную речь приятно и слышать.

Карандышев (*громко*) . Подайте шампанского!

Огудалова (*тихо*) . Потихе! Что вы кричите!

Карандышев . Помилуйте, я у себя дома. Я знаю, что делаю. (*Громко.*) Подайте шампанского!

Входит Евфросинья Потаповна .

Евфросинья Потаповна . Какого тебе еще шампанского? Поминутно то того, то другого.

Карандышев . Не мешайтесь не в свое дело! Исполняйте, что вам приказывают!

Евфросинья Потаповна . Так поди сам! А уж я ноги отходила; я еще, может быть, не евши с утра (*Уходит.*)

Карандышев идет в дверь налево.

Огудалова . Послушайте, Юлий Капитоныч!.. (*Уходит за Карандышевым.*)

Паратов . Илья, поезжай! чтоб катера были готовы! Мы сейчас приедем.

Илья уходит в среднюю дверь.

Вожеватов (*Кнурову*) . Оставим его одного с Ларисой Дмитриевной. (*Робинзону.*) Робинзон, смотри, Иван коньяк-то убирает.

Робинзон . Да я его убью. Мне легче с жизнью расстаться!

Уходят налево Кнуров , Вожеватов и Робинзон .

Явление двенадцатое

Лариса и Паратов .

Паратов . Очаровательница! (*Страстно смотрит на Ларису.*) Как я проклинал себя, когда вы пели!

Лариса . За что?

Паратов . Ведь я – не дерево; потерять такое сокровище, как вы, разве легко?

Лариса . Кто ж виноват?

Паратов . Конечно, я, и гораздо более виноват, чем вы думаете. Я должен презирать себя.

Лариса . За что же, скажите!

Паратов . Зачем я бежал от вас! На что променял вас?

Лариса . Зачем же вы это сделали?

Паратов . Ах, зачем! Конечно, малодушие. Надо было поправить свое состояние. Да бог с ним, с состоянием! Я проиграл больше, чем состояние, я потерял вас; я и сам страдаю, и вас заставил страдать.

Лариса . Да, надо правду сказать, вы надолго отравили мою жизнь.

Паратов . Погодите, погодите винить меня! Я еще не совсем опошлился, не совсем огрубел; во мне врожденного торгашества нет; благородные чувства еще шевелятся в душе моей. Еще несколько таких минут, да... еще несколько таких минут...

Лариса (*тихо*) . Говорите!

Паратов . Я брошу все расчеты, и уж никакая сила не вырвет вас у меня, разве вместе с моей жизнью.

Лариса . Чего же вы хотите?

Паратов . Видеть вас, слушать вас... Я завтра уезжаю.

Лариса (*опустя голову*) . Завтра.

Паратов . Слушать ваш очаровательный голос, забывать весь мир и мечтать только об одном блаженстве.

Лариса (*тихо*) . О каком?

Паратов . О блаженстве быть рабом вашим, быть у ваших ног.

Лариса . Но как же?

Паратов . Послушайте: мы едем всей компанией кататься по Волге на катерах – поедемте!

Лариса . Ах, а здесь? Я не знаю, право... Как же здесь?

Паратов . Что такое «здесь»? Сюда сейчас приедут: тетка Карандышева, барыни в крашенных шелковых платьях; разговор будет о соленых грибах.

Лариса . Когда же ехать?

Паратов . Сейчас.

Лариса . Сейчас?

Паратов . Сейчас или никогда.

Лариса . Едемте.

Паратов . Как, вы решаетесь ехать за Волгу?

Лариса . Куда вам угодно.

Паратов . С нами, сейчас?

Лариса . Когда вам угодно.

Паратов . Ну, признаюсь, выше и благородней этого я ничего и вообразить не могу. Очаровательное создание! Повелительница моя!

Лариса . Вы – мой повелитель.

Входят Огудалова , Кнуров , Вожеватов , Робинзон , Карандышев и Иван с подносом, на котором стаканы шампанского.

Явление тринадцатое

Огудалова , Лариса , Паратов , Кнуров , Вожеватов , Робинзон , Карандышев и Иван .

Паратов (*Кнурову и Вожеватову*) . Она поедет.

Карандышев . Господа, я предлагаю тост за Ларису Дмитриевну. (*Все берут стаканы.*) Господа, вы сейчас восхищались талантом Ларисы Дмитриевны. Ваши похвалы – для нее не новость; с детства она окружена поклонниками, которые восхваляют ее в глаза при каждом удобном случае. Да-с, талантов у нее действительно много. Но не за них я хочу похвалить ее. Главное, неоцененное достоинство Ларисы Дмитриевны – то, господа... то, господа...

Вожеватов . Спутается.

Паратов . Нет, вынырнет, выучил.

Карандышев . То, господа, что она умеет ценить и выбирать людей. Да-с, Лариса Дмитриевна знает, что не все то золото, что блестит. Она умеет отличать золото от мишуры. Много блестящих молодых людей окружало ее; но она мишурным блеском не прельстилась. Она искала для себя человека не блестящего, а достойного...

Паратов (*одобрительно*) . Bravo, bravo!

Карандышев . И выбрала...

Паратов . Вас! Bravo! bravo!

Вожеватов и Робинзон . Bravo, bravo!

Карандышев . Да, господа, я не только смею, я имею право гордиться и горжусь. Она меня поняла, оценила и предпочла всем. Извините, господа, может быть, не всем это приятно слышать; но я счел своим долгом поблагодарить публично Ларису Дмитриевну за такое лестное для меня предпочтение. Господа, я сам пью и предлагаю выпить за здоровье моей невесты!

Паратов , Вожеватов и Робинзон . Ура!

Паратов (*Карандышеву*) . Еще есть вино-то?

Карандышев . Разумеется, есть; как же не быть? Что ты говоришь? Уж я достану.

Паратов . Надо еще тост выпить.

Карандышев . Какой?

Паратов . За здоровье счастливейшего из смертных, Юлия Капитоныча Карандышева.

Карандышев . Ах, да. Так ты предложишь? Ты и предложи, Серж! А я пойду похлопочу; я достану. (*Уходит.*)

Кнуров . Ну, хорошенького понемножку. Прощайте. Я заеду закушу и сейчас же на сборный пункт. (*Кланяется дамам.*)

Вожеватов (указывая на среднюю дверь) . Здесь пройдите, Мокий Парменыч. Тут прямо выход в переднюю, никто вас и не увидит.

Кнуров уходит.

Пиратов (Вожеватову.) . И мы сейчас, едем. (Ларисе.) Собирайтесь!

Лариса уходит направо.

Вожеватов . Не дождавшись тоста?

Паратов . Так лучше.

Вожеватов . Да чем же?

Паратов . Смешнее.

Выходит **Лариса** с шляпкой в руках.

Вожеватов . И то смешнее. Робинзон! едем.

Робинзон . Куда?

Вожеватов . Домой, собираться в Париж

Робинзон и **Вожеватов** раскланиваются и уходят.

Паратов (Ларисе тихо) . Едем! (Уходит.)

Лариса (Огудаловой) . Прощай, мама!

Огудалова . Что ты! Куда ты?

Лариса . Или тебе радоваться, мама, или ищи меня в Волге.

Огудалова . Бог с тобой! Что ты!

Лариса . Видно, от своей судьбы не уйдешь. (Уходит.)

Огудалова . Вот, наконец, до чего дошло: всеобщее бегство! Ах, Лариса!.. Догонять мне ее или нет? Нет, зачем!.. Что бы там ни было, все-таки кругом нее люди... А здесь хоть и бросить, так потеря не велика.

Входят **Карандышев** и **Иван** с бутылкой шампанского.

Явление четырнадцатое

Огудалова , **Карандышев** , **Иван** , потом **Евфросинья Потаповна** .

Карандышев . Я, господа... (Оглядывает комнату.) Где ж они? Уехали? Вот это учтиво, нечего сказать! Ну, да тем лучше! Однако когда ж они успели? И вы, пожалуй, уедете? Нет, уж вы-то с Ларисой Дмитриевной погодите! Обиделись? – понимаю! Ну, и прекрасно. И мы останемся в тесном семейном кругу... А где же Лариса Дмитриевна? (У двери направо.) Тетенька, у вас Лариса Дмитриевна?

Евфросинья Потаповна (входя) . Никакой у меня твоей Ларисы Дмитриевны нет.

Карандышев . Однако что ж это такое, в самом деле! Иван, куда девались все господа и Лариса Дмитриевна?

Иван . Лариса Дмитриевна, надо полагать, с господами вместе уехали... Потому как господа за Волгу сбирались, вроде как пикник у них.

Карандышев . Как за Волгу?

Иван . На катерах-с. И посуда, и вина, все от нас пошло-с; еще давеча отправили; ну, и прислуга – все как следует-с.

Карандышев (садится и хватается за голову) . Ах, что же это, что же это!

Иван . И цыгане, и музыка с ними – все как следует.

Карандышев (*с горячностью*) . Харита Игнатьевна, где ваша дочь? Отвечайте мне, где ваша дочь?

Огудалова . Я к вам привезла дочь, Юлий Капитоныч; вы мне скажите, где моя дочь!

Карандышев . И все это преднамеренно, умышленно – все вы вперед сговорились... (*Со слезами.*) Жестоко, бесчеловечно жестоко!

Огудалова . Рано было торжествовать-то!

Карандышев . Да, это смешно... Я смешной человек... Я знаю сам, что я смешной человек. Да разве людей казнят за то, что они смешны? Я смешон – ну, смейся надо мной, смейся в глаза! Приходите ко мне обедать, пейте мое вино и ругайтесь, смейтесь надо мной – я того стою. Но разломать грудь у смешного человека, вырвать сердце, бросить под ноги и растоптать его! Ох, ох! Как мне жить! Как мне жить!

Евфросинья Потаповна . Да полно ты, перестань! Не о чем сокрушаться-то!

Карандышев . И ведь это не разбойники, это почетные люди... Это все приятели Хариты Игнатьевны.

Огудалова . Я ничего не знаю.

Карандышев . Нет, у вас одна шайка, вы все заодно. Но знайте, Харита Игнатьевна, что и самого кроткого человека можно довести до бешенства. Не все преступники – злодеи, и смирный человек решится на преступление, когда ему другого выхода нет. Если мне на белом свете остается только или повеситься от стыда и отчаяния, или мстить, так уж я буду мстить. Для меня нет теперь ни страха, ни закона, ни жалости; только злоба лютая и жажда мести душат меня. Я буду мстить каждому из них, каждому, пока не убьют меня самого. (*Схватывает со стола пистолет и убегает.*)

Огудалова . Что он взял-то?

Иван . Пистолет.

Огудалова . Беги, беги за ним, кричи, чтоб остановили.

Действие четвертое

Лица

Паратов .

Кнуров .

Вожеватов .

Робинзон .

Лариса .

Карандышев .

Илья .

Гаврило .

Иван .

Цыгане и цыганки .

Декорация первого действия. Светлая летняя ночь.

Явление первое

Робинзон с мазиком в руках и Иван выходят из кофейной.

Иван . Мазик-то пожалуйста!

Робинзон . Не отдам. Ты играй со мной! Отчего ты не играешь?

Иван . Да как же играть с вами, когда вы денег не платите!

Робинзон . Я после отдам. Мои деньги у Василия Данилыча, он их увез с собой. Разве ты не веришь?

Иван . Как же вы это с ними на пикник не поехали?

Робинзон . Я заснул; а он не посмел меня беспокоить, будить, ну, и уехал один. Давай играть!

Иван . Нельзя-с, игра не равна; я ставлю деньги, а вы нет; выигрываете – берете, а проигрываете – не отдаете. Ставьте деньги-с!

Робинзон . Что ж, разве мне кредиту нет? Это странно! Я первый город такой вижу; я везде, по всей России все больше в кредит.

Иван . Это я очень верю-с. Коли спросить чего угодно, мы подадим; зная Сергея Сергеевича и Василия Данилыча, какие они господа, мы обязаны для вас кредит сделать-с; а игра денег требует-с.

Робинзон . Так бы ты и говорил. Возьми мазик и дай мне бутылку... чего бы?..

Иван . Портвейн есть недурен-с.

Робинзон . Я ведь дешевого не пью.

Иван . Дорогого подадим-с.

Робинзон . Да вели мне приготовить... знаешь, этого... как оно...

Иван . Дупелей зажарить можно; не прикажете ли?

Робинзон . Да, вот именно дупелей.

Иван . Слушаю-с. (*Уходит.*)

Робинзон . Они пошутить захотели надо мной; ну, и прекрасно, и я пошучу над ними. Я, с огорчения, задолжаю рублей двадцать, пусть расплачиваются. Они думают, что мне общество их очень нужно – ошибаются; мне только бы кредит; а то и один не соскучусь, я и solo могу разыграть очень веселое. К довершению удовольствия, денег бы занять...

Входит Иван с бутылкой.

Иван (*ставит бутылку*) . Дупеля заказаны-с.

Робинзон . Я здесь театр снимаю.

Иван . Дело хорошее-с.

Робинзон . Не знаю, кому буфет сдать. Твой хозяин не возьмет ли?

Иван . Отчего не взять-с!

Робинзон . Только у меня – чтоб содержать исправно! И, для верности, побольше задатку сейчас же!

Иван . Нет, уж он учен, задатку не дает: его так-то уж двое обманули.

Робинзон . Уж двое? Да, коли уж двое...

Иван . Так третьему не поверит.

Робинзон . Какой народ! Удивляюсь. Везде успеют; где только можно взять, все уж взято, непочатых мест нет. Ну, не надо, не нуждаюсь я в нем. Ты ему не говори ничего, а то он подумает, что и я хочу обмануть; а я горд.

Иван . Да-с, оно, конечно... А как давеча господин Карандышев рассердились, когда все гости вдруг уехали! Очень гневались, даже убить кого-то хотели, так с пистолетом и ушли из дому.

Робинзон . С пистолетом? Это нехорошо.

Иван . Хмельненьки были; я полагаю, что это у них постепенно пройдет-с. Они по бульвару раза два проходили... да вон и сейчас идут.

Робинзон (*оробев*) . Ты говоришь, с пистолетом? Он кого убить-то хотел – не меня ведь?

Иван . Уж не могу вам! сказать. (*Уходит.*)

Входит Карандышев, Робинзон старается спрятаться за бутылку.

Явление второе

Робинзон , Карандышев , потом Иван .

Карандышев (*подходит к Робинзону*) . Где ваши товарищи, господин Робинзон?

Робинзон . Какие товарищи? У меня нет товарищей.

Карандышев . А те господа, которые обедали у меня с вами вместе?

Робинзон . Какие ж это товарищи! Это так... мимолетное знакомство.

Карандышев . Так не знаете ли, где они теперь?

Робинзон . Не могу сказать, я стараюсь удаляться от этой компании; я человек смиренный, знаете ли... семейный...

Карандышев . Вы семейный?

Робинзон . Очень семейный... Для меня тихая семейная жизнь выше всего; а неудовольствие какое или ссора – это боже сохрани; я люблю и побеседовать, только чтоб разговор умный, учтивый, об искусстве, например... Ну, с благородным человеком, вот как вы, можно и выпить немножко. Не прикажете ли?

Карандышев . Не хочу.

Робинзон . Как угодно. Главное дело, чтобы неприятности не было.

Карандышев . Да вы должны же знать, где они.

Робинзон . Кутят где-нибудь: что ж им больше-то делать!

Карандышев . Говорят, они за Волгу поехали?

Робинзон . Очень может быть.

Карандышев . Вас не звали с собой?

Робинзон . Нет; я человек семейный.

Карандышев . Когда ж они воротятся?

Робинзон . Уж это они и сами не знают, я думаю. К утру вернутся.

Карандышев . К утру?

Робинзон . Может быть, и раньше.

Карандышев . Все-таки надо подождать; мне кой с кем из них объясниться нужно.

Робинзон . Коли ждать, так на пристани; зачем они сюда пойдут! С пристани они прямо домой проедут. Чего им еще? Чай, и так сыты.

Карандышев . Да на какой пристани? Пристаней у вас много.

Робинзон . Да на какой угодно, только не здесь; здесь их не дождетесь.

Карандышев . Ну, хорошо, я пойду на пристань. Прощайте. (*Подает руку Робинзону.*) Не хотите ли проводить меня?

Робинзон . Нет, помилуйте, я человек семейный.

Карандышев уходит.

Иван, Иван!

Входит Иван .

Накрой мне в комнате и вино перенеси туда!

Иван . В комнате, сударь, душно. Что за неволя!

Робинзон . Нет, мне на воздухе вечером вредно; доктор запретил. Да если этот барин спрашивать будет, так скажи, что меня нет. (*Уходит в кофейную.*)

Из кофейной выходит Гаврило .

Явление третье

Гаврило и Иван .

Гаврило . Ты смотрел на Волгу? Не видать наших?

Иван . Должно быть, приехали.

Гаврило . Что так?

Иван . Да под горой шум, эфиопы загалдели. (*Берет со стола бутылку и уходит в кофейную.*)

Входит Илья и хор цыган .

Явление четвертое

Гаврило , Илья , цыгане и цыганки .

Гаврило . Хорошо съездили?

Илья . И, хорошо! Так хорошо, не говори!

Гаврило . Господа веселы?

Илья . Разгулялись, важно разгулялись, дай бог на здоровье! Сюда идут; всю ночь, гляди, прогуляют.

Гаврило (*потирая руки*) . Так ступайте усаживайтесь! Женщинам велю чаю подать, а вы к буфету – закусите!

Илья . Старушкам к чаю-то ромку вели – любят.

Илья , цыгане и цыганки , Гаврило уходят в кофейную. Выходят Кнуров и Вожеватов .

Явление пятое

Кнуров и Вожеватов .

Кнуров . Кажется, драма начинается.

Вожеватов . Похоже.

Кнуров . Я уж у Ларисы Дмитриевны слезки видел.

Вожеватов . Да ведь у них дешевы.

Кнуров . Как хотите, а положение ее незавидное.

Вожеватов . Дело обойдется как-нибудь.

Кнуров . Ну, едва ли.

Вожеватов . Карандышев посердится немножко, поломается, сколько ему надо, и опять тот же будет.

Кнуров . Да она-то не та же. Ведь чтоб бросить жениха чуть не накануне свадьбы, надо иметь основание. Вы подумайте: Сергей Сергеич приехал на один день, и она бросает для него жениха, с которым ей жить всю жизнь. Значит, она надежду имеет на Сергея Сергеича; иначе зачем он ей!

Вожеватов . Так вы думаете, что тут не без обмана, что он опять словами поманил ее?

Кнуров . Да непременно. И, должно быть, обещания были определенные и серьезные; а то как бы она поверила человеку, который уж раз обманул ее!

Вожеватов . Мудреного нет; Сергей Сергеич ни над чем не задумается: человек смелый,

Кнуров . Да ведь как ни смел, а миллионную невесту на Ларису Дмитриевну не променяет.

Вожеватов . Еще бы! что за расчет!

Кнуров . Так посудите, каково ей, бедной!

Вожеватов . Что делать-то! мы не виноваты, наше дело сторона.

На крыльце кофейной показывается Робинзон .

Явление шестое

Кнуров , Вожеватов и Робинзон .

Вожеватов . А, милорд! Что во сне видел?

Робинзон . Богатых дураков; то же, что и наяву вижу.

Вожеватов . Ну, как же ты, бедный умник, здесь время проводишь?

Робинзон . Превосходно. Живу в свое удовольствие и притом в долг, на твой счет. Что может быть лучше!

Вожеватов . Позавидуешь тебе. И долго ты намерен наслаждаться такой приятной жизнью?

Робинзон . Да ты чудак, я вижу. Ты подумай: какой же мне расчет отказываться от таких прелестей!

Вожеватов . Что-то я не помню: как будто я тебе открытого листа не давал?

Робинзон . Так ты в Париж обещал со мной ехать – разве это не все равно?

Вожеватов . Нет, не все равно! Что я обещал, то исполню; для меня слово – закон, что сказано, то свято. Ты спроси: обманывал ли я кого-нибудь?

Робинзон . А куда ты собираешься в Париж, не воздухом же мне питаться?

Вожеватов . Об этом уговору не было. В Париж хоть сейчас.

Робинзон . Теперь поздно; поедem, Вася, завтра.

Вожеватов . Ну, завтра, так завтра. Послушай, вот что: поезжай лучше ты один, я тебе прогоны выдам взад и вперед.

Робинзон . Как один? Я дороги не найду.

Вожеватов . Довезут.

Робинзон . Послушай, Вася, я по-французски не совсем свободно... Хочу выучиться, да все времени нет.

Вожеватов . Да зачем тебе французский язык?

Робинзон . Как же, в Париже да по-французски не говорить?

Вожеватов . Да и не надо совсем, и никто там не говорит по-французски.

Робинзон . Столица Франции, да чтоб там по-французски не говорили! Что ты меня за дурака, что ли, считаешь?

Вожеватов . Да какая столица! Что ты, в уме ли? О каком Париже ты думаешь? Трактир у нас на площади есть «Париж», вот я куда хотел с тобой ехать.

Робинзон . Браво, браво!

Вожеватов . А ты полагал, в настоящий? Хоть бы ты немножко подумал. А еще умным человеком считаешь себя! Ну, зачем я тебя туда возьму, с какой стати? Клетку, что ли, сделать да показывать тебя?

Робинзон . Хорошей ты школы, Вася, хорошей; серьезный из тебя негодичант выйдет.

Вожеватов . Да ничего; я стороной слышал, одобряют.

Кнуров . Василий Данилыч, оставьте его! Мне нужно вам сказать кой-что.

Вожеватов (*подходя*) . Что вам угодно?

Кнуров . Я все думал о Ларисе Дмитриевне. Мне кажется, она теперь находится в таком положении, что нам, близким людям, не только позволительно, но мы даже обязаны принять участие в ее судьбе.

Робинзон прислушивается.

Вожеватов . То есть вы хотите сказать, что теперь представляется удобный случай

взять ее с собой в Париж?

Кнуров . Да, пожалуй, если угодно: это одно и то же.

Вожеватов . Так за чем же дело стало? Кто мешает?

Кнуров . Вы мне мешаете, а я вам. Может быть, вы не боитесь соперничества? Я тоже не очень опасаясь; а все-таки неловко, беспокойно; гораздо лучше, когда поле чисто.

Вожеватов . Отступного я не возьму, Мокий Парменыч.

Кнуров . Зачем отступное? Можно иначе как-нибудь.

Вожеватов . Да вот, лучше всего. *(Вынимает из кармана монету и кладет под руку.)* Орел или решетка?

Кнуров *(в раздумье)* . Если скажу: орел, так проиграю; орел, конечно, вы. *(Решительно.)* Решетка.

Вожеватов *(поднимая руку)* . Ваше. Значит, мне одному в Париж ехать. Я не в убытке; расходов меньше.

Кнуров . Только, Василий Данилыч, давши слово, держись; а не давши, крепись! Вы купец, вы должны понимать, что значит слово.

Вожеватов . Вы меня обижаете. Я сам знаю, что такое купеческое слово. Ведь я с вами дело имею, а не с Робинзоном.

Кнуров . Вон Сергей Сергеич идет с Ларисой Дмитриевной! Войдемте в кофейную, не будем им мешать.

Кнуров и Вожеватов уходят в кофейную. Входят Паратов и Лариса .

Явление седьмое

Паратов , Лариса и Робинзон .

Лариса . Ах, как я устала. Я теряю силы, я насилу взошла на гору. *(Садится в глубине сцены на скамейку у решетки.)*

Паратов . А, Робинзон! Ну, что ж ты, скоро в Париж едешь?

Робинзон . С кем это? С тобой, ля-Серж, куда хочешь, а уж с купцом я не поеду. Нет, с купцами кончено.

Паратов . Что так?

Робинзон . Невежи!

Паратов . Будто? Давно ли ты догадался?

Робинзон . Всегда знал. Я всегда за дворян.

Паратов . Это делает тебе честь, Робинзон. Но ты не по времени горд. Применяйся к обстоятельствам, бедный друг мой! Время просвещенных покровителей, время меценатов прошло; теперь торжество буржуазии, теперь искусство на вес золота ценится, в полном смысле наступает золотой век. Но, уж не взыщи, подчас и ваксой напоят, и в бочке с горы, для собственного удовольствия, прокатят – на какого Медичиса нападешь. Не отлучайся, ты мне будешь нужен!

Робинзон . Для тебя в огонь и в воду. *(Уходит в кофейную.)*

Паратов *(Ларисе)* . Позвольте теперь поблагодарить вас за удовольствие – нет, этого мало, – за счастье, которое вы нам доставили.

Лариса . Нет, нет, Сергей Сергеич, вы мне фраз не говорите! Вы мне скажите только: что я – жена ваша или нет?

Паратов . Прежде всего, Лариса Дмитриевна, вам нужно ехать домой. Поговорить обстоятельно мы еще успеем завтра.

Лариса . Я не поеду домой.

Паратов . Но и здесь оставаться вам нельзя. Прокатиться с нами по Волге днем – это еще можно допустить; но кутить всю ночь в трактире, в центре города, с людьми, известными дурным поведением! Какую пищу вы дадите для разговоров.

Лариса . Что мне за дело до разговоров! С вами я могу быть везде. Вы меня увезли, вы и должны привезти меня домой.

Паратов . Вы поедете на моих лошадях – разве это не все равно?

Лариса . Нет, не все равно. Вы меня увезли от жениха, маменька видела, как мы уехали – она не будет беспокоиться, как бы поздно мы ни возвратились... Она покойна, она уверена в вас, она только будет ждать нас, ждать... чтоб благословить. Я должна или приехать с вами, или совсем не являться домой.

Паратов . Что такое? Что значит: «совсем не являться»? Куда деться вам?

Лариса . Для несчастных людей много простора в божьем мире: вот сад, вот Волга. Здесь на каждом сучке удавиться можно, на Волге – выбирай любое место. Везде утопиться легко, если есть желание да сил достанет.

Паратов . Какая экзальтация! Вам можно жить и должно. Кто откажет вам в любви, в уважении! Да тот же ваш жених: он будет радехонек, если вы опять его приласкаете.

Лариса . Что вы говорите! Я мужа своего если уж не любить, так хоть уважать должна; а как я могу уважать человека, который равнодушно сносит насмешки и всевозможные оскорбления! Это дело кончено: он для меня не существует. У меня один жених: это вы.

Паратов . Извините, не обижайтесь на мои слова! Но едва ли вы имеете право быть так требовательными ко мне.

Лариса . Что вы говорите! Разве вы забыли? Так я вам опять повторю все с начала. Я год страдала, год не могла забыть вас, жизнь стала для меня пуста; я решилась, наконец, выйти замуж за Карандышева, чуть не за первого встречного. Я думала, что семейные обязанности наполнят мою жизнь и помирят меня с ней. Явились вы и говорите: «Брось все, я твой». Разве это не право? Я думала, что ваше слово искренне, что я его выстрадала.

Паратов . Все это прекрасно, и обо всем мы с вами потолкуем завтра.

Лариса . Нет, сегодня, сейчас.

Паратов . Вы требуете?

Лариса . Требую.

В дверях кофейной видны Кнуров и Вожеватов .

Паратов . Извольте. Послушайте, Лариса Дмитриевна! Вы допускаете мгновенное увлечение?

Лариса . Допускаю. Я сама способна увлечься.

Паратов . Нет, я не так выразился; допускаете ли вы, что человек, скованный по рукам и по ногам неразрывными цепями, может так увлечься, что забудет все на свете, забудет и гнетущую его действительность, забудет и свои цепи?

Лариса . Ну, что же! И хорошо, что он забудет.

Паратов . Это душевное состояние очень хорошо, я с вами не спорю; но оно непродолжительно. Угар страстного увлечения скоро проходит, остаются цепи и здравый рассудок, который говорит, что этих цепей разорвать нельзя, что они неразрывны.

Лариса (задумчиво) . Неразрывные цепи! *(Быстро.)* Вы женаты?

Паратов . Нет.

Лариса . А всякие другие цепи – не помеха! Будем носить их вместе, я разделю с вами эту ношу, большую половину тяжести я возьму на себя.

Паратов . Я обручен.

Лариса . Ах!

Паратов (показывая обручальное кольцо) . Вот золотые цепи, которыми я скован на всю жизнь.

Лариса . Что же вы молчали? Безбожно, безбожно! *(Садится на стул.)*

Паратов . Разве я в состоянии был помнить что-нибудь! Я видел вас, и ничего более для меня не существовало.

Лариса . Поглядите на меня!

Паратов смотрит на нее.

«В глазах, как на небе, светло...» Ха, ха, ха! *(Истерически смеется.)* Подите от меня! Довольно! Я уж сама об себе подумаю. *(Опирает голову на руку.)*

Кнуров , Вожеватов и Робинзон выходят на крыльцо кофейной.

Явление восьмое

Паратов , Лариса , Кнуров , Вожеватов и Робинзон .

Паратов *(подходя к кофейной)* . Робинзон, поди сыщи мою коляску! Она тут у бульвара. Ты свезешь Ларису Дмитриевну домой.

Робинзон . Ля-Серж! Он тут, он ходит с пистолетом.

Паратов . Кто «он»?

Робинзон . Карандышев.

Паратов . Так что ж мне за дело!

Робинзон . Он меня убьет.

Паратов . Ну, вот, велика важность! Исполни, что приказывают! Без рассуждений! Я этого не люблю, Робинзон.

Робинзон . Я тебе говорю: как он увидит меня с ней вместе, он меня убьет.

Паратов . Убьет он тебя или нет – это еще неизвестно; а вот если ты не исполнишь сейчас же того, что я тебе приказываю, так я тебя убью уж наверное. *(Уходит в кофейную.)*

Робинзон . *(грозя кулаком)* . О, варвары, о, разбойники! Ну, попал я в компанию! *(Уходит.)*

Вожеватов подходит к Ларисе.

Лариса *(взглянув на Вожеватова)* . Вася, я погибаю!

Вожеватов . Лариса Дмитриевна, голубушка моя! Что делать-то? Ничего не поделаешь.

Лариса . Вася, мы с тобой с детства знакомы, почти родные; что мне делать – научи!

Вожеватов . Лариса Дмитриевна, уважаю я вас и рад бы... я ничего не могу. Верьте моему слову!

Лариса . Да я ничего и не требую от тебя; я прошу только пожалеть меня. Ну, хоть поплачь со мной вместе!

Вожеватов . Не могу, ничего не могу.

Лариса . И у тебя тоже цепи?

Вожеватов . Кандалы, Лариса Дмитриевна.

Лариса . Какие?

Вожеватов . Честное купеческое слово. *(Отходит в кофейную.)*

Кнуров *(подходит к Ларисе)* . Лариса Дмитриевна, послушайте меня и не обижайтесь! У меня и в помышлении нет вас обидеть. Я только желаю вам добра и счастья, чего вы вполне заслуживаете. Не угодно ли вам ехать со мной в Париж на выставку?

Лариса отрицательно качает головой.

И полное обеспечение на всю жизнь?

Лариса молчит.

Стыда не бойтесь, осуждений не будет. Есть границы, за которые осуждение не

переходит: я могу предложить вам такое громадное содержание, что самые злые критики чужой нравственности должны будут замолчать и разинуть рты от удивления.

Лариса поворачивает голову в другую сторону.

Я бы ни на одну минуту не задумался предложить вам руку, но я женат.

Лариса молчит.

Вы расстроены, я не смею торопить вас ответом. Подумайте! Если вам будет угодно благосклонно принять мое предложение, известите меня, и с той минуты я сделаюсь вашим самым преданным слугой и самым точным исполнителем всех ваших желаний и даже капризов, как бы они странны и дороги ни были. Для меня невозможного мало. *(Почтительно кланяется и уходит в кофейную.)*

Явление девятое

Лариса одна.

Лариса . Я давеча смотрела вниз через решетку, у меня закружилась голова, и я чуть не упала. А если упасть, так, говорят... верная смерть. *(Подумав.)* Вот хорошо бы броситься! Нет, зачем бросаться!.. Стоять у решетки и смотреть вниз, закружится голова и упадешь... Да, это лучше... в беспамятстве, ни боли... ничего не будешь чувствовать! *(Подходит к решетке и смотрит вниз. Нагибается, крепко хватается за решетку, потом с ужасом отбегает.)* Ой, ой! Как страшно! *(Чуть не падает, хватается за беседку.)* Какое головокружение! Я падаю, падаю, ай! *(Садится у стола подле беседки.)* Ох, нет... *(Сквозь слезы.)* Расставаться с жизнью совсем не так просто, как я думала. Вот и нет сил! Вот я какая несчастная! А ведь есть люди, для которых это легко. Видно, уж тем совсем жить нельзя; их ничто не прельщает, им ничто не мило, ничего не жалко. Ах, что я!.. Да ведь и мне ничто не мило, и мне жить нельзя, и мне жить незачем! Что ж я не решаюсь? Что меня держит над этой пропастью? Что мешает? *(Задумывается.)* Ах, нет, нет... Не Кнуров... роскошь, блеск... нет, нет... я далека от суеты... *(Вздвигнув.)* Разврат... ох, нет... Просто решимости не имею. Жалкая слабость: жить, хоть как-нибудь, да жить... когда нельзя жить и не нужно. Какая я жалкая, несчастная. Кабы теперь меня убил кто-нибудь... Как хорошо умереть... пока еще упрекнуть себя не в чем. Или захворать и умереть... Да я, кажется, захвораю. Как дурно мне!.. Хворать долго, успокоиться, со всем примириться, всем простить и умереть... Ах, как дурно, как кружится голова. *(Подтирает голову рукой и сидит в забытьи.)*

Входят Робинзон и Карандышев .

Явление десятое

Лариса , Робинзон и Карандышев .

Карандышев . Вы говорите, что вам велено отвезти ее домой?

Робинзон . Да-с, велено.

Карандышев . И вы говорили, что они оскорбили ее?

Робинзон . Уж чего еще хуже, чего обиднее!

Карандышев . Она сама виновата: ее поступок заслуживал наказания. Я ей говорил, что это за люди; наконец она сама могла, сама имела время заметить разницу между мной и ими. Да, она виновата, но судить ее, кроме меня, никто не имеет права, а тем более оскорблять. Это уж мое дело: прошу я ее или нет; но защитником ее я обязан явиться. У ней

нет ни братьев, ни близких; один я, только один я обязан вступить за нее и наказать оскорбителей. Где она?

Робинзон . Она здесь была. Вот она!

Карандышев . При нашем объяснении посторонних не должно быть; вы будете лишний. Оставьте нас!

Робинзон . С величайшим удовольствием. Я скажу, что вам сдал Ларису Дмитриевну. Честь имею кланяться! (*Уходит в кофейную.*)

Карандышев подходит к столу и садится против Ларисы.

Явление одиннадцатое

Лариса и Карандышев .

Лариса (*поднимая голову*) . Как вы мне противны, кабы вы знали! Зачем вы здесь?

Карандышев . Где же быть мне?

Лариса . Не знаю. Где хотите, только не там, где я.

Карандышев . Вы ошибаетесь, я всегда должен быть при вас, чтобы оберегать вас. И теперь я здесь, чтобы отомстить за ваше оскорбление.

Лариса . Для меня самое тяжкое оскорбление – это ваше покровительство; ни от кого и никаких других оскорблений мне не было.

Карандышев . Уж вы слишком невзыскательны. Кнуров и Вожеватов мечут жеребий, кому вы достанетесь, играют в орлянку – и это не оскорбление? Хороши ваши приятели! Какое уважение к вам! Они не смотрят на вас, как на женщину, как на человека, – человек сам располагает своей судьбой; они смотрят на вас, как на вещь. Ну, если вы вещь, – это другое дело. Вещь, конечно, принадлежит тому, кто ее выиграл, вещь и обижаться не может.

Лариса (*глубоко оскорбленная*) . Вещь... да, вещь! Они правы, я вещь, а не человек. Я сейчас убедилась в том, я испытала себя... я вещь! (*С горячностью.*) Наконец слово для меня найдено, вы нашли его. Уходите! Прошу вас, оставьте меня!

Карандышев . Оставить вас? Как я вас оставлю, на кого я вас оставлю?

Лариса . Всякая вещь должна иметь хозяина, я пойду к хозяину.

Карандышев (*с жаром*) . Я беру вас, я ваш хозяин. (*Хватает ее за руку.*)

Лариса (*оттолкнув его*) . О, нет! Каждой вещи своя цена есть... Ха, ха, ха... я слишком, слишком дорога для вас.

Карандышев . Что вы говорите! мог ли я ожидать от вас таких бесстыдных слов?

Лариса (*со слезами*) . Уж если быть вещью, так одно, утешение – быть дорогой, очень дорогой. Сослужите мне последнюю службу: подите пошлите ко мне Кнурова.

Карандышев . Что вы, что вы, опомнитесь!

Лариса . Ну, так я сама пойду.

Карандышев . Лариса Дмитриевна! Остановитесь! Я вас прощаю, я все прощаю.

Лариса (*с горькой улыбкой*) . Вы мне прощаете? Благодарю вас. Только я-то себе не прощаю, что вздумала связать судьбу свою с таким ничтожеством, как вы.

Карандышев . Уедемте, уедемте сейчас из этого города, я на все согласен.

Лариса . Поздно. Я вас просила взять меня поскорей из цыганского табора, вы не умели этого сделать; видно, мне жить и умереть в цыганском таборе.

Карандышев . Ну, я вас умоляю, осчастливьте меня.

Лариса . Поздно. Уж теперь у меня перед глазами заблестело золото, засверкали бриллианты.

Карандышев . Я готов на всякую жертву, готов терпеть всякое унижение для вас.

Лариса (*с отвращением*) . Подите, вы слишком мелки, слишком ничтожны для меня.

Карандышев . Скажите же: чем мне заслужить любовь вашу? (*Падает на колени.*) Я вас люблю, люблю.

Лариса . Лжете. Я любви искала и не нашла. На меня смотрели и смотрят, как на забаву. Никогда никто не старался заглянуть ко мне в душу, ни от кого я не видела сочувствия, не слыхала теплого, сердечного слова. А ведь так жить холодно. Я не виновата, я искала любви и не нашла... ее нет на свете... нечего и искать. Я не нашла любви, так буду искать золота. Подите, я вашей быть не могу.

Карандышев *(вставая)* . О, не раскайтесь! *(Кладет руку за борт сюртука.)* Вы должны быть моей.

Лариса . Чьей ни быть, но не вашей.

Карандышев *(запальчиво)* . Не моей?

Лариса . Никогда!

Карандышев . Так не доставайся ж ты никому! *(Стреляет в нее из пистолета.)*

Лариса *(хватаясь за грудь)* . Ах! Благодарю вас! *(Опускается на стул.)*

Карандышев . Что я, что я... ах, безумный! *(Роняет пистолет.)*

Лариса *(нежно)* . Милый мой, какое благодеяние вы для меня сделали! Пистолет сюда, сюда, на стол! Это я сама... сама. Ах, какое благодеяние... *(Поднимает пистолет и кладет на стол.)*

Из кофейной выходят Паратов , Кнуров , Вожеватов , Робинзон , Гаврило и Иван .

Явление двенадцатое

Лариса , Карандышев , Паратов , Кнуров , Вожеватов , Робинзон , Гаврило и Иван .

Все . Что такое, что такое?

Лариса . Это я сама... Никто не виноват, никто... Это я сама.

За сценой цыгане запевают песню.

Паратов . Велите замолчать! Велите замолчать!

Лариса *(постепенно слабеющим голосом)* . Нет, не зачем... Пусть веселятся, кому весело... Я не хочу мешать никому! Живите, живите все! Вам надо жить, а мне надо... умереть... Я ни на кого не жалею, ни на кого не обижаюсь... вы все хорошие люди... я вас всех... всех люблю. *(Посылает поцелуй.)*

Громкий хор цыган.

16 октября 1878 г.

Комментарии

Печатается по тексту первой публикации в журнале «Отечественные записки», 1879, э 1, с отдельными уточнениями по изданию Сочинений А. Н. Островского, т. X, Спб., 1884.

Как свидетельствует помета Островского на первом листе автографа, драма была задумана 4 ноября 1874 года в Москве. 1 октября 1876 года, сообщая Ф. А. Бурдину о своей работе над комедией «Правда – хорошо, а счастье лучше», Островский писал:

«Все мое внимание и – все мои силы устремлены на следующую большую пьесу, которая задумана больше года тому назад и над которой я непрерывно работал. Я думаю кончить ее в этом же году и постараюсь отделать самым тщательным образом, потому что это будет сороковое мое оригинальное

произведение».

На черновом автографе «Бесприданницы», хранящемся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Островский пометил: «Opus 40». Вторичное упоминание о работе над «Бесприданницей» встречается в письме драматурга к Бурдину от 3 февраля 1878 года из Москвы:

«...я теперь занят большой оригинальной пьесой; я желаю ее кончить зимой к будущему сезону, для того, чтобы быть свободнее летом».

Намерение Островского закончить пьесу до лета не осуществилось. С особым творческим подъемом работал Островский над «Бесприданницей» летом и осенью 1878 года в Щелыкове (см. его письма к Бурдину от 26 августа и 5 октября). Одновременно велись переговоры о постановке пьесы в Петербурге и в Москве.

«Бесприданница» была закончена в середине октября 1878 года. В рукописи завершение работы над пьесой датировано 17 октября, а в тексте «Отечественных записок» – 16 октября. 26 октября Островский послал переписанный набело текст пьесы Бурдину. Накануне он писал ему:

«К постановке приеду и сам прочитаю пьесу артистам. По получении пьесы свежи ее к цензору и попроси его прочесть поскорее, так чтобы она одновременно прошла и цензуру и комитет, и в воскресенье же или понедельник была отправлена в Москву».

28 октября «Бесприданница» уже была одобрена к постановке Театрально-литературным комитетом.

Ф. А. Бурдин, для которого Островский предназначал роль Кнурова, остался ею недоволен, считая, что это «аксессуарная роль». В письме к Островскому от 1 ноября 1878 года он сообщал, что, по его убеждению, актер Н. Ф. Сазонов откажется от предложенной ему роли Карандышева, и с своей стороны указывал на необходимость «кое-каких сокращений». Письмо это вызвало следующий ответ Островского:

«Если Сазонов услышит пьесу в моем чтении, он ни за что не откажется от роли Карандышева. Если он заламается при раздаче ролей, так ты попроси его подождать моего приезда. Пьесу свою я уже читал в Москве пять раз, в числе слушателей были лица и враждебно расположенные ко мне, и все единогласно признали «Бесприданницу» лучшим из всех моих произведений. Я более года думал, чтобы написать для тебя роль спокойную и типичную, т. е. живую; я тебе вперед говорил о ней; в Москве эту роль исполняет Самарин, он горячо благодарил меня, что я даю ему возможность представить живой современный тип, а ты находишь Кнурова жалким, неблагодарным аксессуаром, не представляющим ничего живого, т. е. никакой роли. Да что ж тебе за неволя брать эту роль, если ты к ней так презрительно относишься? Моя пьеса невелика, при ней ты можешь еще дать такую пьесу, в которой есть эффектная для тебя роль. Здесь ни на счетке, ни на репетициях, ни мне, ни артистам и в голову не приходило ни о каких сокращениях; а вы, если найдете нужным, делайте какие угодно, я спорить не буду» (письмо к Бурдину от 3 ноября 1878 г.).

Первая постановка «Бесприданницы» состоялась в Москве, на сцене Малого театра, 10 ноября 1878 года, в бенефис актера Н. И. Музиля, игравшего роль Робинзона. Остальные роли были распределены между Г. Н. Федотовой (Лариса), А. П. Ленским (Паратов), М. П. Садовским (Карандышев), Медведевой (Огудалова), И. В. Самариным (Кнуров), С. П. Акимовой (Евфросинья Потаповна), Решимовым (Вожеватов), Лентовским (цыган Илья), Колосовым (Гаврило) и Живокини 2-м (Иван). Через несколько дней после первого представления «Бесприданница» была вновь дана в бенефис М. П. Садовского; роль Ларисы играла М. Н. Ермолова.

Островский неоднократно свидетельствовал о большом успехе пьесы в Москве (см. его письмо к Бурдину от 27 декабря 1878 г., а также «Записку по поводу проекта «Правил о премиях... за драматические произведения» 1884 г.).

В Петербурге «Бесприданница» в первый раз была поставлена на сцене Александрийского театра 22 ноября 1878 года, в бенефис Бурдина, с участием М. Г. Савиной, исполнявшей роль Ларисы. В спектакле также приняли участие: Полонский (Карандышев), Бурдин (Кнуров), Сазонов (Вожеватов), Нильский (Паратов), Читау (Огудалова), Арди (Робинзон), Васильев 1-й (Гаврило), Горбунов (Иван), Константинов (Илья), Натарова 1-я (Евфросинья Потаповна). Театральная критика в особенности отмечала превосходную игру Савиной.

С конца девяностых годов «Бесприданница» заняла выдающееся место в репертуаре русской сцены. Популярности пьесы у зрителей способствовала В. Ф. Коммиссаржевская, создавшая прекрасный сценический образ Ларисы. Роль Ларисы стала любимой ролью Коммиссаржевской, и в течение ряда лет она бессменно выступала в ней на сцене Александрийского театра.

«Бесприданница» принадлежит к числу пьес Островского, пользующихся наибольшей любовью советского зрителя. Именно на сцене советского театра впервые был выражен глубокий социальный пафос этой замечательной драмы. Она ставилась во многих драматических театрах Москвы, Ленинграда и периферии. Из московских постановок «Бесприданницы» особенно значительны постановки Драматического театра (б. Корша) с В. Н. Поповой в роли Ларисы (1932 г.) и Центрального театра транспорта (1946 г.). В 1948 году «Бесприданница» возобновлена на сцене Малого театра. Свидетельством глубокого интереса советского театра к «Бесприданнице» служат многочисленные ее постановки на сценах национальных братских республик. Яркое художественное и социальное истолкование драмы Островского дает спектакль Азербайджанского драматического театра (1939 г., возобновлен в 1946 г.) с актрисой Фатмой Кадри в главной роли.